18+

Александр Качура

Черная корона Элхара

«Издательские решения»

Качура А.

Черная корона Элхара / А. Качура — «Издательские решения»,

Она не нашла слёз — нашла решимость. С ней Каэлен, дух Справедливости, чьё слово тверже камня и чей взгляд не знает пощады. Он пойдёт за ней — пока она не свернёт с пути правды. И оставит — стоит солгать хоть раз. Она вернётся не за милость — за справедливость. Не за прощение — за воздаяние. Разобьёт лживую власть, вернёт имена убитых и пробудит силу, дремавшую в крови веками. Но когда Чёрная Корона обретёт истинную носительницу, из тени выступит та, чьё возвращение станет страшнее любой войны.

© Качура А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. УТРО, КОТОРОЕ БОЛЬШЕ НЕ ПОВТОРИТСЯ 7
ГЛАВА 2. ШЕСТВИЕ И ЛЮБОВЬ 35
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Черная корона Элхара

Александр Качура

© Александр Качура, 2026

ISBN 978-5-0071-5580-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Черная корона Элхара.

ГЛАВА 1. УТРО, КОТОРОЕ БОЛЬШЕ НЕ ПОВТОРИТСЯ

Сон был холодным.

Не тем привычным зимним морозом, что приходит с севера вместе с пронзительными буранами, стучит в заиндевевшие стёкла и заставляет слуг разносить по башням дополнительные жаровни, а обитателей замка — кутаться в тяжелые шерстяные пледы. Этот холод оказался иным. Древним, бездонным, сковывающим суставы и мысли. Словно чья-то невидимая рука медленно провернула ржавый ключ в каменной скважине, отпирая двери в подземный склеп, где веками не ступала нога живого человека и где сама память о тепле давно обратилась в пыль.

В этом кошмаре Элара стояла на коленях посреди Великого Зала Элхары. Но камень под её ногами не имел ничего общего с привычным убранством родовой цитадели. Огромное пространство выглядело мертвым, опустошенным, лишенным гобеленов с изображением гербовых львов, без единого зажженного факела и без привычного треска сухих дубовых дров в огромных очагах.

Шероховатые плиты пола сочились черной, маслянистой влагой. Она беззвучно ползла по древней кладке, просачивалась сквозь глубокие трещины и тяжелыми, частыми каплями срывалась с высокого сводчатого потолка. Каждый такой удар о камень отдавался под крышей гулким, тяжелым эхом — чересчур громким, болезненно близким, будто влага падала прямо вонзаясь в черепную коробку, пробивая мысли и резонируя в самих костях.

Она отчаянно пыталась подняться, но собственные ноги казались отлитыми из тяжелого свинца. Пыталась закричать, позвать на помощь отца, маму, кого-то из верной замковой стражи, чьи шаги обычно раздавались на галереях, — но из гортани вырывался лишь сухой, сорванный хрип. Легкие обжигало ледяным сквозняком, в котором явственно примешивался запах старого ила, ржавчины и тлена.

И тогда посреди этого сырого мрака перед ней возникла она.

Чёрная корона.

Она покоилась на высоком постаменте из грубого, неотесанного камня, выросшем прямо из каменного пола. На её темных, суровых зубцах не было ни изящной золотой резьбы, ни драгоценной эмали — лишь поглощающая свет сталь, выкованная в незапамятные времена и впитавшая в себя поколения чужой боли. В самой же сердцевине регалии горел крупный граненый рубин.

Камень не просто отбрасывал блики. Он мерцал изнутри ровным, пульсирующим ритмом, удивительно похожим на удары человеческого сердца или на последний алый уголек в остывающем костре, который всё ещё хранит в себе гибельное пламя. С каждым всплеском этого алого света по мокрому полу разбегались тёмные, подобные венам, тени.

Элара помимо собственной воли подалась вперед, протягивая онемевшую ладонь. Пальцы побелели от стужи, уподобившись рукам мертвеца, долго лежавшего в сугробе. Но регалия не оттолкнула её. Она застыла в ожидании, источая абсолютное, безмолвное спокойствие вечности. В ней не чувствовалось агрессии или мгновенной угрозы — лишь тяжелая, неизбежная неизбежность судьбы, против которой бессильны человеческие желания.

И тогда из самой глубины каменной кладки, из темных подземных горизонтов, откуда никогда не было возврата к солнечному свету, донесся голос.

В нём не угадывалось ни пола, ни возраста. Он не гремел подобно раскату грома и не опускался до шепота. Голос звучал так, будто с ней говорила сама древняя земля Элхары, очнувшаяся от многовекового сна. Голос, который знал её истинное имя задолго до того, как жрец в главном храме впервые окропил её младенческий лоб святой водой.

— Ты не должна бояться, — пронесся гулкий эхо-звук, заставив черную воду на полу всколыхнуться мелкой рябью. — Ты уже здесь. Ты всегда принадлежала этому месту.

Элара попыталась закричать — горло свело судорожным спазмом. Хотела отпрянуть, вырваться из этого липкого плена — но тело окончательно отказалось подчиняться. Тьма, разлившаяся от рубина, застлала взор, захлестнула её с головой и с силой выбросила на поверхность реальности.

Элара рывком села на постели, широко распахивая глаза и судорожно ловя ртом воздух.

Резкое утреннее солнце полоснуло по сетчатке через узкий проем окна — слишком яркое, почти болезненное после пронизывающего мрака сновидения. Она сидела в собственной кровати, в высоких покоях девичьей башни замка Элхара. Heavy шерстяное одеяло скомкалось у ног, тонкая льняная рубаха прилипла к спине, а подушка промокла насквозь от липкого, холодного пота. Сердце бешено и больно колотилось где-то у самого основания горла, перекрывая дыхание, и понадобилось несколько долгих, мучительных секунд, прежде чем реальность вытеснила остатки кошмара.

Она была дома. В своей комнате. В безопасности.

Но стужа осталась. Она не испарилась с приходом нового дня. Проклятый холод затаился глубоко под ребрами плотным, ледяным узлом, и ни теплый солнечный луч, пробивающийся сквозь стекло, ни знакомая обстановка не могли его разогреть.

Элара медленно свесила ноги с дубового ложа. Простыни смялись в беспорядочный ком, выдавая её ночные метания. На тумбе у изголовья темнел серебряный кубок — она абсолютно не помнила, когда успела наполнить его водой перед сном. Рядом лежал старый деревянный гребень со сломанным зубчиком — скромный, но бесконечно дорогой сердцу подарок матери, выточенный из яблоневого дерева, когда Элара была совсем малышкой. Рядом с ним покоилось крошечное круглое зеркальце в потемневшей от времени бронзовой оправе.

Дрожащими пальцами она поднесла зеркало к лицу, вглядываясь в свое отражение.

Двадцать лет. Единственная дочь и законная наследница Чёрного Замка Элхары.

Густые, тёмные как смоль волосы беспорядочным водопадом падали на плечи и грудь. Обычно по утрам старая кормилица заплетала их в аккуратные тугие косы, переплетая шелковыми лентами, но вчера вечером Элара распустила их и так и не собрала. Из гладкой поверхности зеркала на нее глядели глаза матери — тёмные, глубокие, с золотистыми искорками возле самых зрачков.

«В этих глазах можно утонуть и не затеять спасаться», — с неизменной теплой улыбкой говаривал отец, когда в редкие минуты отдыха гладил её по голове своей тяжелой, мозолистой ладонью.

Но сейчас в этом отражении не было ни привычного юношеского задора, ни спокойной уверенности. В самой глубине темных зрачков застыла смутная, липкая тревога — дикая и неоформленная, которую она не могла ни объяснить логически, ни заглушить простым усилием воли.

С глухим стуком она отложила бронзовое зеркальце обратно на столешницу и поднялась на ноги.

Каменные плиты пола ответили привычной сыростью. В её башне камень не прогревался до конца даже в самый разгар июльского зноя, и Элара с детских лет привыкла ступать по узорчатым тканым дорожкам. На ней была простая льняная рубаха до колен, украшенная по вороту скромной вышивкой, которую она сделала сама.

Забрезгав вычурными шелковыми платьями, привезенными купцами из южных провинций, Элара привычным движением накинула поверх ночной одежды свой любимый халат из плотной тёмной шерсти. Он был старым, поношенным, с заметно потертыми на локтях рукавами и слегка разволокнившимся подолом. Но Элара любила его сильнее любых королевских парчовых нарядов. В его складках всё ещё жил родной, умиротворяющий букет запахов: сухая

лаванда, печной дым, сосновая смола и легкая нотка старой пергаментной бумаги. Запах настоящего, спокойного дома.

У высокого стрельчатого окна громоздкой глыбой возвышался массивный письменный стол, погребенный под стопками исписанной бумаги. Вчера до глубокой ночи она въедливо изучала полугодовые отчёты главного замкового управляющего: сколько четвериков пшеницы и ржи удалось собрать с дальних крестьянских наделов, какой процент ушел в счет королевского налога, сколько мешков заложено в неприкосновенный зимний резерв для бедняков.

Отель терпеливо учил её этой скучной, кропотливой рутине с тех самых пор, как ей исполнилось двенадцать.

— Запомни, Элара, — говаривал он, раскладывая перед ней карты и хозяйственные сметы. — Трон выкован не для того, чтобы красиво восседать на нём во время пышных балов и принимать лесть вассалов. Трон возвышают лишь для того, чтобы правитель издалека видел, кто в его землях голодает, и точно знал, почему так произошло.

Она вникала. Она знала цифры почти наизусть. Помнила по именам деревенских старейшин, знала нужды местных мельников и кузнецов. Но сегодня сухие строчки отчётов расплывались перед глазами, а цифры теряли смысл, отказываясь складываться в привычные логические цепочки.

Элара подошла вплотную к окну и отдернула тяжелую, пахнущую пылью бархатную портьеру.

За узким стеклом расстилался знакомый до малейшей трещинки внутренний двор: серые камни брусчатки, потемневшие от времени, квадратные крыши конюшен, дымок, вьющийся над трубой кузницы, и массивные зубчатые стены, защищавшие Элхару веками. А за ними — бесконечный, дремучий лес, зелёными волнами уходящий к самому горизонту.

Небо над замком казалось чистым и лазурным. Однако у самой кромки дальних гор тянулась узкая, едва заметная полоса свинцовых туч — неестественно темных и плотных для этого раннего часа. Они не походили на обычные грозовые облака. В их оттенке присутствовало что-то пепельное, тяжелое. Постояв у окна пару минут и чувствуя, как от стекла веет ночным холодом, Элара резко отвернулась.

— Это просто сон, — шепнула она в пустую комнату, надеясь, что звук собственного голоса рассеет наваждение. — Всего лишь дурной, затянувшийся сон.

Она покинула покои. Внутри замковых переходов царило странное, непривычное оцепенение.

Дорога в конюшни пролегала через нижний двор. Внутри высокого бревенчатого помещения всегда стоял густой, уютный запах, который Элара обожала с самого раннего детства: пряный аромат сухого лугового сена, свежих опилок, разогретой конской кожи и дегтя. Для нее этот запах навсегда остался символом абсолютной, ничем не ограниченной свободы. В конюшнях она проводила гораздо больше времени, чем в душном и чинном тронном зале. Старые конюхи давно перестали удивляться или кланяться в пояс при её появлении: наследница пришивала отпавшие пряжки, чистила скребницей крупы и приходила сюда не контролировать работу, а просто дышать и быть собой.

Вороной конь стоял в самом дальнем и просторном стойле, у резного окна. Он был угольно-черным. Без единого светлого пятна на шкуре, без каштанового отблеска. Настоящая воплощенная ночь. Крупный, сильный, с гордым изгибом шеи и удивительно осмысленными, глубокими глазами. Отец подарил его Эларе на шестнадцатилетие, приведя прямо с дальних степных пастбищ. С тех пор они стали практически неразлучны.

Конь услышал тихие шаги Элары ещё у входа. Он медленно повернул голову, поводя остроухими ушами. Он не стал тихо заржать или фыркать, требовательно выпрашивая кусок сахара или яблоко, как делал обычно. Он просто смотрел. И в его немигающем, тёмном зрачке

отражалось то самое неопределённое чувство, от которого ледяная судорога под рёбрами Элары снова сжалась.

— Доброе утро, мой хороший, — тихо прошептала Элара.

Она подошла ближе, перешагнула через деревянную перегородку и положила ладонь на его широкую, бархатистую морду. Шерсть животного была тёплой, живой, пахла солнцем и чистой водой. Конь доверчиво и тяжело ткнулся влажным носом ей в плечо, слегка потеревшись о шерстяной халат. Элара против воли слабо улыбнулась — впервые за это утро.

— Ты ведь тоже это чувствуешь, правда? — тихо спросила она, уткнувшись лбом в его лоб. — Посмотри на меня. Что-то изменилось. Что-то очень неправильно.

Конь, разумеется, не мог ответить. Но он и не отстранился. Он замер рядом — огромный, исполненный скрытой мощи, тёплый, — и это молчаливое присутствие успокаивало лучше любых уговоров придворных лекарей.

Элара сняла со стены старую скребницу — с потёртой деревянной рукоятью, которую её отец лично вырезал из прочного ясеня, когда Элара была совсем ребёнком. На светлом дереве остались следы его резца — неровные, глубокие. Он вырезал её, когда она была маленькой, и не ошкурил до конца, потому что торопился к началу военной кампании. Элара прижала металлическое полотно к гладкому боку коня и начала привычными, ритмичными движениями чистить его шерсть.

— Мы с тобой обязательно вырвемся отсюда, — тихо приговаривала она, усыпляя собственную тревогу монотонным трудом. — Проедем по всем старым дорогам. Поднимемся на перевал. Не сегодня, нет… Но мы проедем. Я тебе обещаю.

Конь тихо фыркнул, пустив струйку пара из ноздрей. Элара крепче обняла его за шею, зарывшись лицом в густую, шелковистую гриву, и на мгновение закрыла глаза. Ей показалось, что проклятый ледяной холод внутри наконец-то начал отступать под напором этого живого тепла.

А потом тяжёлая деревянная дверь конюшни со скрипом отворилась.

В проходе стоял главный конюх — старый Мартин, служивший в Элхаре ещё во времена её деда. Его обычно румяное, выветренное ветрами лицо сейчас выглядело необычайно бледным, почти серым.

— Госпожа… — голос Мартина сипел и срывался. — Вас… вас срочно зовут к утреннему завтраку. Король… — конюх споткнулся на слове, судорожно сглотнув, и перевёл дыхание. — Его величество просил вас поторопиться. Немедля.

Элара медленно отстранилась от вороного. Что-то в тоне старика — не в самих привычных словах, а в том, как дико бегали его глаза, избегая её прямого взгляда, — мгновенно заставило её внутренне собраться.

— Мартин? Что-то произошло? Отец нездоров?

— Я… я не могу знать, госпожа, — старик суетливо опустил глаза в земляной пол и заторможенно поклонился. — Просто… прошу вас, не заставляйте его величество ждать. Поторопитесь.

Элара молча кивнула. Она повесила скребницу обратно на кованый гвоздь, в последний раз ласково коснулась бархатного носа вороного — точно прощалась перед долгой разлукой — и быстрыми шагами вышла во двор.

В длинных каменных коридорах замка стояла непривычная, звенящая тишина.

Обычно в этот ранний час Элхара напоминала гудящий улей: служанки с громким стуком таскали тяжёлые вёдра с водой для умывания, пажи сновали с охапками дров, стражники переговаривались, меняя посты на галереях, а из замковой кухни доносился аппетитный шум жаровен и крики главного повара.

Сегодня же Элара не услышала ни одного привычного звука. На протяжении всего пути через восточное крыло ей попались лишь две юные горничные. Они несли корзины со свежим

бельём, но передвигались почти бегом, прижимаясь к самым стенам. Девушки даже не подняли голов и не ответили на её спокойное приветствие, словно увидели перед собой призрак.

Малая столовая располагалась в западной части цитадели. Это был светлый зал с высокими ланцетовидными окнами, выходившими на внутренний сад, и длинным столом из тёмного полированного дуба, накрытым на шесть персон.

Когда Элара переступила порог, все уже были в сборе.

Отец восседал во главе стола. Его обычно гордая, выправленная осанка сейчас казалась надломленной. Мать сидела по правую руку от него — с невероятно прямой, натянутой как струна спиной и так плотно сжатыми губами, что они превратились в тонкую белую линию. Братья-близнецы — Кайл и Рен, четырнадцатилетние подростки, только-только начинавшие учиться фехтовальному искусству, — сидели рядом. По их растерянным лицам было видно: они совершенно не понимают причин происходящего, но детским чутьём уже улавливают липкое, тяжёлое напряжение, зависшее под потолком.

А по левую руку от отца сидел Валерий.

Дядя. Младший брат короля.

Едва Элара переступила порог, Валерий мгновенно повернулся к ней и расплылся в улыбке — широкой, тёплой, слишком тёплой для этого утра. Он выглядел безупречно: ухоженная тёмно-русая борода, дорогие бархатные одежды с серебряным шитьём, спокойные и уверенные движения. Но Элару впервые в жизни обдало от этой улыбки волной отчуждения. Улыбка казалась приклеенной. Слишком идеальной. Слишком застывшей.

— Доброе утро, дорогая племянница, — произнёс он мягким, бархатистым баритоном. — Как тебе спалось в эту ночь? Никаких дурных снов?

Элара прошла к своему привычному месту напротив братьев и плавно опустилась на дубовый стул.

— Доброе утро, дядя. Спасибо, я сплю прекрасно, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал предельно ровно.

Она не стала упоминать про мокрый каменный зал. Про лишённый света рубин. Про пробирающий до костей холод и таинственный голос из бездны. За этим столом, перед этими людьми, в этой сгустившейся атмосфере показывать слабость было опасным. Она сама не понимала, откуда в ней взялась эта суровая осторожность, но внутренний голос непреклонно твердил: «Молчи».

Король тяжело поднял голову. Под его глазами залегли тёмные, глубокие тени, которых Элара не замечала ещё вчера вечером.

— Давайте приступим к трапезе, — произнёс отец. Голос его звучал глухо, без привычного металлического звона. — У нас у всех сегодня будет очень длинный и тяжёлый день.

Завтрак проходил в тяжёлом, почти гнетущем молчании. Молчаливые слуги подавали традиционные блюда — пышный свежий хлеб, сырные головки, нарезку из вяленой оленины, спелые осенние яблоки — и тут же испуганно испарялись за тяжёлыми портьерами. Обычный звон серебряных приборов о фарфоровые тарелки казался в этой тишине оглушительным, подобно ударам кузнечного молота.

Элара внимательно наблюдала за присутствующими. За годы общения с дворянством и отцовскими вассалами она научилась считывать малейшие движения человеческих лиц. И то, что она видела сейчас, наполняло её ужасом. Отец едва притрагивался к кубку, лишь имитируя еду. Мать не сводила с мужа долгого, полного боли взгляда. Братья беспокойно переглядывались, не смея задавать вопросов.

И лишь Валерий ел с отменным аппетитом. Спокойно. Уверенно. Со вкусом разрезая сочное мясо.

— Ты сегодня слишком мрачен, брат, — легко произнёс Валерий, отправляя в рот кусочек хлеба и обращаясь к королю. — Опять не спал из-за отчётов из южных провинций? Нельзя же так изнурять себя.

Отец медленно поднял на младшего брата тяжёлый взгляд. Это был долгий, непрерывный взгляд человека, который заглянул на самое дно глубокого колодца.

— Есть вещи, Валерий, о которых королю приходится думать непрестанно, — тихо, но твёрдо ответил отец.

— О да, разумеется, — Валерий откинулся на спинку стула и с лёгкой грацией поднял свой кубок с тёмно-красным вином. — Королевство никогда не спит. Но правителю необходим трезвый ум и вовремя сделанный отдых. — Он перевёл взгляд на Элару, задержав его на её лице на долю секунды дольше, чем требовала приличность. В глубине его умных, серых глаз на миг мелькнуло что-то тёмное, холодное и чуждое, от чего у Элары перехватило дыхание. — Предлагаю выпить. За Элхару. За её великое, нерушимое будущее.

— За Элхару, — с тихим вздохом эхом отозвалась мать. Едва она подняла свой кубок, Элара заметила, как сильно тонкие, усыпанные перстнями пальцы матери дрожат, выплёскивая капли на скатерть.

Едва завтрак завершился, Элара поспешила выйти во внутренний сад.

Здесь воздух казался более чистым и живым, не пропитанным затаившимся в стенах цитадели страхом. Старые яблони стояли в пышном цвету, и лёгкий прохладный ветерок доносил до неё сладковатый, успокаивающий аромат. Элара медленно шла по узкой гравийной дорожке, вдоль которой пышно кустились любимые чайные розы её матери, и глубоко, жадно дышала, пытаясь вытравить из лёгких липкий осадок утреннего сна.

Что-то происходило. Что-то страшное, невидимое, набиравшее силу прямо сейчас. Замок словно замер в преддверии смертельного удара.

Она остановилась у старого каменного фонтана. Высеченная из серого гранита чаша не работала уже несколько лет: трубы забились, стенки затянул густой зелёный мох, а вода давно высохла. Элара хорошо помнила, как лет десять назад они с братьями запускали здесь самодельные деревянные кораблики. Кайл всегда вырезал самый большой и устойчивый галеон, Рен делал маленький, но невероятно быстрый юркий челнок. А она просто сидела на борту фонтана, болтала ногами в воде и смотрела, как их судёнышки толкают друг друга.

— Ты ведь тоже это чувствуешь, правда?

Тихий, надломленный голос раздался почти за самой спиной. Элара вздрогнула и резко обернулась.

В нескольких шагах от неё стояла мать. Она плотно закуталась в тяжёлую шаль из тёмной шерсти, несмотря на то что солнце уже поднялось достаточно высоко. Лицо её казалось осунувшимся, белым как мел, а вокруг глаз залегли глубокие тени.

— Мама… — Элара сделала шаг навстречу. — Что происходит? Почему отец так смотрит на дядю? Почему стража молчит? Что вообще происходит в этом доме?!

Мать подошла вплотную. Её руки выпростались из-под шали и судорожно схватили Элару за запястья. Пальцы матери были обжигающе холодными, точно у утопленницы.

— Послушай меня очень внимательно, Элара, — зашептала мать, воровато оглядываясь на пустые аллеи сада. — У нас совсем нет времени. Если… если случится нечто ужасное… Если мир рухнет…

— Что должно произойти? Скажи мне правду! — Элара сжала её ладони в своих.

Мать не ответила. Вместо этого она сунула руку в глубокий карман своего платья и извлекла оттуда маленький предмет на тонкой серебряной цепочке. Это был изящный круглый медальон. На его полированной крышке была выгравирована корона — не пышная венценосная регалия Элхары, а скромный, упрощённый рисунок, почти детский символ.

— Возьми его, — твёрдо произнесла мать, насильно вкладывая цепочку в ладонь дочери и сжимая её пальцы. — Никогда не снимай. Если тебе придётся бежать… если придётся уходить — иди туда, где тебя не сможет достать ни один шпион. И помни каждую секунду: ты — истинная дочь Элхары. В твоих жилах течёт кровь тех, кто воздвиг эти стены. Не забывай этого. Ни за что не забывай.

— Мама, ты пугаешь меня! Пойдём к отцу!

— Возьми и молчи! — выдохнула мать с неожиданной, отчаянной силой.

Она подалась вперёд, крепко поцеловала Элару в лоб — горячо, судорожно, словно вкладывая в этот поцелуй остаток своей души. На секунду она задержалась. Её губы дрогнули, словно она хотела сказать что-то ещё. Но не сказала. Развернулась и быстро пошла прочь по гравийной дорожке, ни разу не обернувшись на зов дочери.

Наступил вечер. Солнце быстро склонялось за западный хребет, окрашивая небосвод в тревожные, багрово-кровавые тона.

Элара сидела в своей башне, не зажигая свечей. Медальон лежал перед ней на полированной столешнице — прямо рядом с деревянным гребнем и бронзовым зеркалом. Она непрерывно гипнотизировала взглядом эту серебряную вещицу, пытаясь разгадать немой знак. Почему мать отдала его именно сегодня? Почему именно с такими словами?

За окном стремительно сгущались сумерки. Багровый свет заката просачивался сквозь узкое окно, заливая каменные стены покоев цветом свежей, не успевшей запечься крови. И именно в этот момент Элару пронзила мысль. Наглая, дикая, но несомненная в своей пророческой силе: она видит эти стены в последний раз. Мысль эта была не эмоцией — она застыла внутри холодным фактом.

Элара отказалась спускаться к общему ужину, передав через служанку, что её одолела сильная головная боль. Когда молчаливая девушка принесла ей на подносе скромную трапезу — кусок чёрного хлеба и кувшин со свежей водой, — Элара съела всё до единой крошки. Не от голода. А от осознания того, что завтра этого замка и этой жизни для неё может просто не существовать.

Когда темнота окончательно накрыла Элхару, она тихо поднялась и подошла к окну.

Во внутреннем дворе один за другим вспыхивали факелы. Обычная смена караула всегда проходила быстро и почти бесшумно. Но сейчас Элара отчётливо слышала грохот кованых сапог. Множество сапог.

Прижавшись горячим лбом к холодному стеклу, она вгляделась в мерцающий полумрак двора. И сердце её пропустило удар.

У центральных ворот и вдоль главных галерей стояли воины. Но это были не гвардейцы её отца в привычных сине-серебряных плащах. Это были незнакомые люди. В тёмных, немаркированных доспехах, с обнажёнными мечами и тяжёлыми самострелами в руках. Свежие, чужие силы.

И в этот миг все пазлы сложились в страшную, монолитную картину.

Ледяной сон. Мокрая зала. Молчаливый конь. Встревоженная мать. Чужие наёмники у ворот.

Она бросилась к выходу из покоев, на ходу хватая со стола серебряный медальон и зажимая его в кулаке.

Элара дёрнула бронзовую ручку двери.

Дверь не поддалась.

Она навалилась на неё всем телом, надавила плечом — раз, другой, третий! Ручка проворачивалась, но сама массивная дубовая полоса застряла намертво. Её забаррикадировали снаружи. Заперли на тяжёлый внешний засов.

— Нет… — вырвался из её груди отчаянный, сдавленный шёпот. — Нет, нет, только не это! Отец!

В глухом каменном коридоре за дверью раздались шаги. Они звучали неторопливо, негромко, но абсолютно уверенно. Шаги человека, который никуда не спешит, потому что уже победил. Они приблизились и остановились прямо перед её заточением.

Затем прозвучал голос. Спокойный. Ровный. До ужаса знакомый.

— Прости меня, дорогая племянница, — донеслось из-за дубовой толщи. — Так действительно будет лучше. Для всех нас. Для Элхары.

Элара замерла посреди тёмных покоев. Ледяной клуб под рёбрами, мучивший её всё утро, внезапно лопнул — и превратился в огонь. Не в тот, что согревает. В тот, что выжигает

Элара стояла у глухой дубовой двери, впившись пальцами в заиндевевшую древесину.

Снаружи тяжело скрежетнул кованый засов — плотный, вековой засов из черного железа, заскочивший в каменный паз с глухим, окончательным щелчком. Шаги в коридоре затихли не сразу. Валерий удалялся мерным, неторопливым шагом человека, который завершил бытовое дело и никуда не спешит. В его походке не угадывалось ни малейшей суеты, ни опасения, что запертая внутри племянница сможет пересилить массивные створы башни.

Она сделала шаг назад. Затем еще один. Суставы в коленях предательски подогнулись, и Элара бесшумно сползла на плиты пола, прислонившись затылком к шероховатой стене и судорожно обхватив ноги обеими руками. Камень под ней источал ожесточенный, глубинный холод, проникавший сквозь шерстяную ткань халата, но плоть его не воспринимала.

Внутри грудной клетки полыхало нечто иное — сухой, беспламенный, выжигающий внутренности огонь. Он не делился теплом. Он лишь высушивал слезы в глазницах, обращая воспоминания прошлого в серую пепельную труху.

Она пробыла в этом оцепенении минуту. Или десять. Или полчаса. В замкнутом пространстве время потеряло привычные грани. В сознании с монотонностью кузнечного молота стучала единственная мысль: «Он закрыл меня. Он отрезал меня от семьи в моей собственной башне. Значит, черта перейдена. Значит, прямо сейчас происходит то, о чем шептались стены».

За дубовым массивом вновь зазвучали шумы. На этот раз движения были иными — торопливыми, массивными, грохочущими. Десятки тяжелых кованых сапог с размаху чеканили шаг по каменным галереям. Выкрики чужих голосов. Короткие, отрывистые команды. Сухой, многократный лязг вынимаемой из ножен стали.

Элара вскинула подбородок. Этот звук был ей знаком до мельчайших нюансов — так звенит обнажаемый клинок, когда его достают не для церемониального салюта и не для учебной рубки на плацу. Так звенит сталь, готовящаяся пить живую кровь.

Она вскочила. Наплевав на боль в сбитых пальцах, подбежала к стрельчатому окну.

Внизу внутренний двор кишел людьми. Но это были не отцовские гвардейцы в привычных сине-серебряных сюртуках с вышитым золотым львом. Пространство у ворот, возле конюшенных навесов и у подножия цитадели заполнили молчаливые воины в темных, залитых салом и окалиной латах без единого родового герба. Факелы в настенных кольцах горели ровно, и в их багровом отсвете Элара разглядела их лица.

Спокойные. Бесстрастные. Скучающие.

Так смотрят ремесленники, выполняющие тяжелую, привычную, но нудную работу. Никакого опьянения битвой, никакой святой ярости. Лишь рутинная привычка регулярного убийства.

Элара вцепилась в резную раму, пытаясь вытолкнуть её наружу. Дерево засело в пазах намертво, набухнув от осенней сырости. Обезумев от бессилия, она ударила по мутному стеклу зажатым кулаком.

Панель отозвалась треском, покрывшись паутиной мелких трещин, но выдержала. Элара нанесла второй удар. Третий. Острые осколки с хрустом посыпались вниз, осыпая брусчатку двора, а из рассеченных костяшек на подоконник брызнула алая юшка. Один из наемников

у конюшни мельком поднял голову, взглянул на бледное лицо в проломе, на окровавленную руку — и равнодушно перевел взор на ворота.

Он не удивился. Он прекрасно знал, кто находится в башне и какая судьба ей отведена.

Элара отшатнулась от проема. Легкие судорожно сжались, не пропуская воздух. Она вновь метнулась к запертым створам, со всего размаха забарабанила по ним ладонями:

— Отец! Мать! Кайл! Рен! Кто-нибудь, отзовитесь!

Замок ответил глухим безмолвием. Лишь грохот сапог в коридоре становился громче, приблизившись вплотную. А затем донесся иной звук. Тяжелый, глухой, влажный. Так о камень ударяется падающее человеческое тело.

Она замерла, впечатав ухо в шершавую древесину. Затаила дыхание. В коридоре установилась пауза. А следом раздался голос. Не отцовский. Не мамин. Голос Валерия. Он произносил фразы спокойно, размеренно, словно давал распоряжения по заготовке фуража:

— Все окончено? Отлично. Затворите боковые выходы. Ни одна душа не должна покинуть этот корпус.

Элара отпрянула от двери. Внутренний пожар взметнулся с новой, испепеляющей силой. Она металась по тесной комнате метафизическим зверьком, ищущим щель в клетке. Окно — второй этаж, снизу каменная брусчатка, падение означает перебитый хребет. Дверь — заложена железным засовом. Стены — трехметровый вековой гранит. Ловушка оказалась абсолютной. В ее собственной девичьей обители. В гнезде её предков.

На письменном столе, среди брошенных хозяйственных ведомостей, блеснул серебряный медальон. Тот самый, с тисненой короной, который мать сунула ей в сад со словами: «Если придется бежать — иди туда, где тебя не отыщут». Элара сгребла его в кулак. Сжала так, что рельефный край металла содрал кожу на ладони, смешиваясь с кровью от разбитого стекла.

За дверью вновь послышались шаги. На этот раз передвигался один человек. Тяжело, со сбивчивым приступком, словно волоча за собой израненную ногу. Шаги оборвались в шаге от её замка.

И тогда сквозь дубовую толщу прорезался голос матери. Не сдержанный шёпот, а громкий, звенящий крик, пропитавший весь каменный пролет:

— Элара! Дочь моя! Не отпирай! Никому не отпирай!

Она пришла за мной, — пронзила Элару страшная, ледяная догадка. — Она знала, что меня запрут. И пробилась сюда.

Следом глухо ухнуло железо. И всё смолкло.

Элара закричала. Она не помнила, как этот звук вырвался наружу. Просто в какой-то момент гортань разорвалась от нечеловеческого вопля — дикого, первобытного, лишенного разума. Она кидалась на дубовый массив плечом, наносила удары ногами, костяшками. Дерево стонало, но кованый засов держал мертвой хваткой. Она била до тех пор, пока содранная кожа на руках не превратилась в сплошное ссаженное месиво. Пока не сорвала связки до сиплого шипения. Пока до самого дна души не дошло: помощь не придет.

Секундой позже из коридора донеслись иные голоса. Совсем близко. Ломающиеся, мальчишеские интонации. Рен. Или Кайл. Они выкрикивали неразборчивые проклятия, перебивая друг друга, захлебываясь слезами и злобой.

Снова короткий удар стали о кость. Еще один. И тишина.

Элара обессиленно сползла по дверному полотну. Ноги окончательно утратили опору. Она сидела на ледяных плитах, прижав разбитые кулаки к ключицам, и слушала, как в доме её отца методично гасят жизни. Не чужаков. Родных людей. Она слышала, как затихают хрипы. Как умолкает лязг оружия. Как воцаряется тишина — плотная, тяжелая, пропитанная запахом железа и меди. И в этой вакуумной тишине раздавалось лишь её собственное дыхание. Прерывистое. Сиплое. Живое.

А затем засов снаружи пришли в движение.

Металл сдвинули быстро, уверенным и привычным движением. Створка со скрипом отворилась, и в образовавшемся проеме выросли двое. Наемники. В темных доспехах без знаков различия. Молодой конвоир с гладко выбритым подбородком сверху вниз окинул её сидевшую на полу фигуру. В его серых зрачках не читалось ни злобы, ни капли сочувствия. Лишь глухая усталость слуги.

— Поднимайся, — бросил он сухо. — Правитель ждет.

Элара не шелохнулась. Мышцы отказывались выполнять команды. Тогда второй наемник — постарше, с седеющей щетиной на скулах — шагнул в комнаты, грубо впился пальцами в её плечо и рывком вздернул девушку на ноги. Хватка у него была железная, не оставлявшая синяков только из-за толстой шерсти халата.

— Шагай.

Её вывели в коридор. Каменный, бесконечно длинный, вызубренный памятью до последнего скола на плитах. Элара двигалась между солдатами, и каждый шаг отзывался в висках пульсирующей болью. Она заставляла себя смотреть строго перед собой. Пыталась закрыть разум от увиденного. Но глаза фиксировали всё.

У самой двери башни лежала мать. Тёмное платье разорвано у ворота, светлые волосы разметались по мокрому камню. Глаза не мигая смотрели в потолочный свод. Губы плотно сжаты. Она не дышала.

Элара замерла. Солдат дёрнул её за локоть:

— Не задерживайся.

Она не сдвинулась с места. Смотрела на материнские руки, раскинутые по камню. И на второй серебряный медальон, который мать до последнего вздоха сжимала в онемевшем кулаке — точно такой же, как у Элары, только чуть крупнее, семейный знак. Она так и не отдала его. Не успела.

— Идем, я сказал, — повторил наемник, и в его голосе прорезалось опасное раздражение.

Элара медленно повернула голову. Встретилась с ним взглядом. И что-то в её потемневших зрачках — не слёзы, не мольба, а нечто глухое, каменное, лишенное жизни — заставило взрослого воина невольно отступить на полшага назад. Едва заметное движение. Но она его зафиксировала.

И шагнула вперед сама.

Тронный зал был полон. Но не придворными или вассалами — воинами. Они застыли вдоль стен, у резных колонн, возле стрельчатых окон. В центре помещения, на возвышении, где годами восседал её отец, возвышался Валерий. Он не занимал дубовый трон. Он стоял подле него, небрежно опершись ладонью о резной набалдашник спинки. Словно примерял вещь. Ждал момента, когда сможет сесть с полным правом.

У подножия помоста лежали тела. Отец. Кайл. Рен. Они покоились на плитах беспорядочной кучей, и вокруг них медленно расползалась алая лужа. Элара застыла у входных дверей. Не от бессилия. Она просто не желала подходить ближе. Не желала разглядывать изувеченные черты братьев. Не желала запоминать родных такими.

Валерий вскинул подбородок. На его губах расцвела та самая привычная улыбка — широкая, тепловатая, неуместная.

— А, вот и ты, — произнес он спокойно. — Я рассчитывал на твое благоразумие.

Элара хранила молчание. Впилась взглядом в его фигуру. В его пальцы, покоящиеся на королевском троне. В багровый поток у его сапог. В чужаков с обнаженными клинками. Она смотрела — и не могла объять это разумом. Внутри образовалась выжженная каверна. Огонь окончательно потух, уступив место лютому, неподвижному холоду.

— Подойди ближе, — позвал дядя. — Не нужно опасаться. Я не стану лишать тебя жизни. По крайней мере, сейчас.

Она не сделала и шага. Тогда Валерий сам легко сошел с возвышения, сокращая расстояние. Остановился вплотную. На расстоянии вытянутой руки. До Элары долетел густой шлейф его парфюма — тяжелый сандал с приторными восточными нотами. Он чуть наклонился к её лицу и заговорил пониженным, почти ласковым тоном:

— Ты не годишься для этого места, Элара. Ты слишком мягка. Слишком чиста душой. Твое правление развалило бы Элхару за пару зим. Я спасаю наш род от упадка. Ты ведь способна это осознать?

Она взглянула в его глаза. Серые. Умные. Абсолютно спокойные. В них отсутствовали следы безумия или садистской ярости. Там царила монолитная убежденность в собственной правоте. Он искренне верил в то, что произносил.

— Ты забрал их жизни, — вырвалось из её сорванной гортани. Голос звучал глухо, чуждо. — Отца. Мальчишек. Маму. Ты зарезал родную кровь.

— Да, — ответил он без колебаний. — И повторил бы это без промедления. Ибо в противном случае они лишили бы жизни меня. Или тебя. Или сгубили бы все то, что создавалось поколениями. — Он выпрямился, расправив плечи. — Власть — это не затейливый венец на голове, Элара. Власть — это умение заставить подданных верить в нужную правителю правду. Твой отец был лишен этого дара. А я им обладаю.

Он сделал шаг назад, окинул её фигуру быстрым, оценивающим взглядом, точно осматривал лошадь перед покупкой, и небрежно повелел стражникам:

— Выведите ее прочь. За пределы замковых ворот. Пусть отправляется на все четыре стороны. — Он вновь слегка улыбнулся. — За стенами ей всё равно не задерживаться надолго.

Наемники сурово впились пальцами в её локти. Элара не сопротивлялась. Не осталось ни сил, ни смысла противостоять. Её поволокли через зал, мимо остывающих тел, мимо осквернённого трона, мимо Валерия, который провожал её немигающим взглядом победителя. На выходе из цитадели она споткнулась об окровавленный обшлаг чьего-то кафтана, но конвоиры грубо подхватили её под мышки, сдергивая вперед.

Во дворе царил пронизывающий мороз. Осенний ветер гонял сухую пыль по камням. Наемники выволокли немощное тело девушки за массивные створы главных ворот и с размаху швырнули в придорожную грязь. Элара больно ударилась коленями, а затем завалилась на бок. Острый гравий ободрал щеку и ладони, но физической боли она не ощутила.

Ворота пришли в движение. Глухой, раскатистый удар сошедшихся створок. Тяжелое лязганье опустившегося засова. И абсолютная, мертвая тишина.

Она лежала в грязной колее, уткнувшись лицом в сухую пыль, и смотрела на глухую древесину ворот собственного дома. Там, за неприступной стеной, остался её конь. Ее детство. Ее сгоревшая семья. Все, чем она дышала. Все, что умела любить.

Элара попыталась подняться, но ноги беспомощно плетением расползались по грязи. Тогда она подалась вперед и медленно, на четвереньках, поползла прочь от закрытых ворот. В густеющую морозную тьму. В пронизывающий холод. В абсолютное никуда.

И в этот момент из глубины лесной мглы долетел голос.

Не Валерия. Не матери. Не отца.

Это был древний, неторопливый голос из ночного кошмара. Терпеливый. Бездонный. Он прозвучал тихо, но отчетливо прямо в её сознании:

— Иди. Я жду.

.

Дорога уходила вниз, к кромке темнеющего леса.

Элара продвигалась вперёд на четвереньках. Острые камни впивались в разбитые ладони, но боли она почти не замечала — тело онемело. Пыль забивалась в нос, першила в горле, оседала на ресницах. Она глухо кашляла, сплёвывала сгустки крови и продолжала двигаться.

Останавливаться смертельно опасно. Замри она хоть на миг — её настигнут. Или не настигнут, но холод и кровопотеря закончат дело быстрее палачей. И то, и другое пугало одинаково.

Ворота родового гнезда остались далеко позади. Она не оборачивалась. Знала: стоит оглянуться — и воля рухнет окончательно, оставляя лишь желание лечь на серый камень и закрыть глаза. А двигаться было необходимо. Куда именно — не имело значения. Главное — прочь.

Тракт пустовал. Утро сменилось знойным днём, солнце палило в затылок, выжигая остатки сил. Элара брела, опасно шатаясь из стороны в сторону, цепляясь пальцами за придорожный кустарник. То и дело падала, с трудом поднималась и снова заставляла себя переставлять ноги. Дорогое платье превратилось в лохмотья, подол волочился по земле, густо впитывая грязь и дорожную пыль. Сбившиеся в утренней спешке косы распались, и мокрые от пота тёмные пряди прилипали к лицу.

Она преодолела уже не милю. Ноги налились свинцом, во рту пересохло до жжения. Обрывки мыслей метались в воспалённом сознании, расползаясь мокрой бумагой: лес, небо, слова, которые она скажет людям в первой же встреченной деревне. Но всё рассыпалось. Оставался лишь первобытный приказ: переставлять стопы. Дышать. Выжить.

Навстречу попались двое. Местные крестьяне — мужчина и женщина с плетёными коробами за плечами. Шагали споро, уставившись под ноги, стараясь не привлекать к себе внимания. Элара качнулась им навстречу, слабо вскинув руку:

— Помогите… Ради бога…

Мужчина вздрогнул, поднимая голову. Скользнул взглядом по её изувеченному, залитому кровью лицу, по сорванному горлу — и тут же отвёл глаза. Схватив жену за локоть, он резко ускорил шаг. Они обошли её стороной, как гнилой пень на обочине, даже не снизив темпа.

Элара опустила бессильно упавшую руку и побрела дальше.

Спустя какое-то время она осознала, что бредёт уже не по центру тракта, а по заросшей бурьяном обочине. Ноги свернули сами, инстинктивно ища укрытия. Пыль поднималась клубами, забивая дыхательные пути. Она сплёвывала вязкую слюну, но дорога словно стремилась засыпать её целиком. Медленно. Бесшумно. Без лишней суеты.

Ещё через вечность колени подломились окончательно. На этот раз подняться не удалось.

Она рухнула лицом в сухую полынь, прислушиваясь к далёкому карканью воронья над полями. «Вот и всё», — мелькнула отрешённая мысль. Земля пахла горькими травами и зноем. Веки налились свинцом, и она погрузилась в тяжёлое забытьё.

Тянулись часы. В какой-то момент сквозь шум в ушах пробился глухой звук шагов. Размеренных, неторопливых. Не солдатских. Кто-то двигался по тракту в одиночку. Элара не стала распахивать глаза — не осталось ресурса. Пусть проходят мимо. Пусть не замечают её позора и боли.

Шаги затихли совсем близко.

Она ощутила, как кто-то опустился на колени рядом с ней. Прохладная человеческая тень заслонила палящее солнце. И тогда ресницы дрогнули, открывая миру размытый силуэт.

Перед ней на корточках сидел парень. Совсем молодой, с обветренным загорелым лицом и открытым взглядом серых глаз. На нём была простая крестьянская рубаха из грубого полотна, а руки хранили следы тяжёлой крестьянской работы. Он не выказал ни испуга, ни брезгливости при виде её кровавых ран. Просто глядел с тихим, сосредоточенным вниманием.

— Пить будешь? — голос прозвучал неожиданно мягко.

Элара не смогла выдавить ни звука, лишь едва заметно качнула подбородком.

Незнакомец снял с пояса деревянную флягу, оплетённую грубой бечёвкой, и аккуратно отвинтил пробку. Поднёс к её потрескавшимся губам. Вода оказалась тепловатой, с отчётли-

вым древесным привкусом, но для неё это был чистый нектар. Она жадно глотала, захлёбываясь, пока парень терпеливо поддерживал сосуд, не торопя её.

Затем он спрятал флягу обратно и извлёк из-за пазухи ломоть хлеба. Плотного, тёмного, с аппетитной ржаной корочкой. Судя по всему, это была последняя его еда.

— На, поешь, — произнёс он, протягивая угощение. — Тебе сейчас нужнее.

Элара впилась взглядом в хлеб. Потом перевела глаза на его лицо. В глазах паренька не мерцало ни жалости, ни праздного любопытства. Только абсолютное, ничем не поколебимое спокойствие. И человеческое тепло.

— Как тебя звать? — хриплый шёпот сорвался с искусанных губ.

Он не ответил. Молча вложил тяжёлый кусок в её окровавленные пальцы. Его ладони были грубыми, но удивительно тёплыми.

— Ешь, — повторил он. — Силы понадобятся.

Элара сжала пальцы на ещё хранящем жар хлебе. Отломила крошечный кусочек. Жевать причиняло боль — потрескавшиеся губы кровоточили вновь, но она упрямо пережёвывала суховатый мякиш, заставляя себя глотать.

Парень сидел рядом, терпеливо выжидая. Безмолвная опора посреди рухнувшего мира.

Когда с едой было покончено, он поднялся на ноги, отряхивая колени.

— Тебе нужно укрыться до заката. Совсем близко, в лесном массиве, есть старая пещера. Местные обходят её стороной, но переждать ночь там безопасно.

Элара вскинула на него глаза снизу вверх.

— Ты даже не поинтересовался, кто я такая, — произнесла она горько.

Он пожал широкими плечами:

— Какая разница? Человек погибал на дороге. Я помог. Вот и всё.

— Я — Элара, — чеканила она каждое слово. — Законная наследница престола Элхары. Была ею…

На его лице не дрогнул ни один мускул. Ни удивления, ни подобострастия. Он лишь коротко кивнул.

— Верю. А теперь ступай. Пещера вон там, — он указал рукой в сторону густых зарослей. — Прямо сквозь подлесок, а затем налево к искривлённому дубу. Не заблудишься.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и пошёл прочь. Ровно, спокойно, словно за его спиной осталась обычная случайная встреча, а не спасённая человеческая жизнь.

Элара смотрела ему вслед, пока фигура не растворилась в мареве пыли. Сжала в кулаке остатки хлеба. С трудом поднялась на ноги — на этот раз опора оказалась крепче.

Лес встретил её прохладой и прелым ароматом листвы. Вековые дубы сплетались кронами, создавая полумрак. Отыскать ориентир труда не составило: старый кривой дуб с дуплом, крутой спуск влево — и вот узкий лаз, затянутый паутиной и мхом. Элара протиснулась внутрь. Воздух здесь отдавал сыростью, землёй и глубоким покоем. Прислонившись спиной к прохладному каменному уступу, она подтянула колени к груди. Хлеб положила на колени. Есть больше не хотелось — он стал реликвией.

Тянулись часы. Сумрак в пещере сгущался, превращаясь в непроглядную черноту. Холод пробирался под изодранную ткань платья, сковывая пальцы. Элара прижимала заветный ломоть к груди, черпая из него остатки душевного тепла.

А затем пришла лихорадка.

Сначала лёгкий озноб сменился плавящим изнутри жаром. Воспоминания вспыхивали перед внутренним взором ослепительными вспышками: отец за рабочим столом, склонённый над картами («Трон выкован не для того, чтобы красиво восседать…»); мать в цветущем саду с серебряным медальоном («Иди туда, где тебя не найдут»); смеющиеся братья с деревянными мечами во дворе.

И тут же — холодное лицо Валерия. Его мягкая улыбка. «Так будет лучше для всех».

А следом — образ незнакомого пастуха. Его спокойные серые глаза. Хлеб в её руке. Один луч света в сегодняшнем кошмаре. Она мучительно пыталась вспомнить его имя, коря себя за то, что даже не спросила. Осталось лишь лицо. Голос. Ощущение тепла.

Веки отяжелели. Элара прикрыла глаза, чувствуя, как сознание уплывает в темноту.

И тогда раздался голос.

Не из воспоминаний. Не её собственный бред. Он шёл откуда-то из глубины каменного массива, из самой геометрии земных недр.

— Ты не умрёшь, — прозвучало тихо, но весомо, отзываясь вибрацией в костях. — Ты будешь спать. Пока не придёт твой час.

Она попыталась возразить, выдохнуть хоть слово, но губы не повиновались. Дыхание замирало. Сквозь накатывающую темноту она судорожно вцепилась пальцами в чёрствый хлеб, сжимая его изо всех сил.

И провалилась в безмолвие.

Снаружи падал вечер. В глубине подземного укрытия, под многовековыми пластами гранита и тьмы, древняя сила медленно открывала глаза. Она ждала.

Валерий замер у высокого ланцетовидного окна своей цитадели, заложив руки за спину и безучастно глядя на расстилавшуюся внизу городскую площадь.

Внизу, на серых каменных плитах брусчатки, уложенных ещё во времена правления его деда, кипела повседневная жизнь. Люди Элхары не бунтовали, не собирались в тайные сходки на перекрёстках, не выкрикивали дерзких лозунгов. Они просто суетливо перемещались по своим ежедневным делам: ремесленники тянули скрипучие телеги с бочками, женщины в тёмных чепцах несли корзины с зеленью, а мальчишки бегали у ратуши с деревянными мечами. Самое обычное, безмятежное осеннее утро. Самый обычный, покорённый город. Его город.

Он правил здесь вот уже десять лет.

Десятилетие идеального, железного порядка. Десять лет без опустошительных войн с соседями, без голодных моров, без дворянских заговоров и крестьянских смут. Он дал этим людям то, о чём они даже не смели мечтать при его слабом, чрезмерно благородном брате — абсолютное спокойствие. И подданные расплачивались с ним за эту безопасность единственной доступной монетой: они отучились задавать лишние вопросы. Они забыли, чья кровь впиталась в плиты Тронного зала.

За его спиной, на массивном дубовом столе, покоилась ровная стопка исписанных пергаментов. Ежедневные отчёты замкового управляющего, секретные донесения шпионской сети из дальних провинций, прошения о помиловании преступников. Валерий даже не прикасался к ним с утра. Он и без чтения догадывался о содержимом. Все они в последние недели сводились к одному и тому же тревожному мотиву: земледельцы жаловались на иссушение колодцев, лесничие докладывали об аномальных трещинах в почве, а старые гадалки шептались на ратушной площади, будто земля под Элхарой больше не хочет держать замок.

Валерий никогда не верил в древние пророчества, не придавал значения знамениям и презирал суеверные страхи простолюдинов. Однако в последние три месяца внутри него поселилось липкое, нездоровое чувство: мир вокруг менялся. Что-то происходило там, глубоко под землёй, в самых тёмных пластах гранита, на которых покоились вековые стены. Что-то, чему он не мог подобрать рационального объяснения. И эта неизвестность пугала узурпатора сильнее, чем полная армия мятежных вассалов под стенами.

Он отвернулся от окна и медленно прошёлся по покоям. Шаги его мягких сапог из дорогой кожи отдавали гулким эхом в тишине комнаты: высочайшие своды, шерстяные ковры, заглушающие шаги, тяжёлые порфировые шторы, мебель из тёмного морёного дуба. Всё здесь выглядело добротным, невероятно дорогим, нерушимым. Всё это принадлежало ему по праву силы.

На ровной каменной стене, строго напротив его постели, висел живописный портрет. Не его собственный. Не изображение брата-короля или величественного отца-завоевателя.

С холста смотрела она. Элара.

Двадцатилетняя девушка с густыми тёмными волосами и глубокими, бездонными глазами. На её губах застыла еле уловимая, едва заметная улыбка. В первую же ночь после переворота Валерий строжайшим указом запретил любые упоминания о погибшей королевской семье, приказав сжечь все их портреты, вымарать имена из летописей и уничтожить гербы. Но этот единственный холст он лично забрал из её башни и повесил в своих покоях.

Не из вспышки запоздалой любви или проснувшегося раскаяния. А из холодного, животного страха. Он боялся забыть её черты. Боялся, что однажды — сквозь годы и расстояния — она шагнёт из тьмы обратно, а он не успеет узнать своего врага в лицо.

Валерий вглядывался в этот портрет каждое утро. Точно в зеркало собственного греха. Точно в застывший во времени смертный приговор.

И именно в этот миг древняя земля под замком содрогнулась.

Первый толчок был слабым, едва ощутимым — словно глубоко под фундаментом цитадели повернулся огромный, спящий каменный исполин. Валерий замер на месте, прислушиваясь к вибрирующему воздуху. На секунду воцарилась звонкая тишина. А затем последовал второй удар — сокрушительный, гулкий, вырвавшийся из самой преисподней.

Толстые каменные стены башни задрожали, со сводчатого потолка густой полосой посыпалась штукатурная пыль. Портрет Элары на стене судорожно качнулся, сорвался с кованого гвоздя и с грохотом рухнул на плиты. Тяжёлая рама раскололась, защитное стекло разлетелось на сотни мелких осколков, но холст остался невредимым — Элара продолжала смотреть на своего дядю сквозь сетку трещин.

Валерий судорожно вцепился обеими руками в край массивного стола. Пол буквально уходил из-под ног, резкая вибрация заставляла дрожать каждую кость. Снизу, с городской площади, донеслись отчаянные вопли испуганных людей, вой дворовых собак и грохот рушащихся черепичных крыш. На главной колокольне замка колокол сам по себе зашевелился, издав надрывно-глухой, искажённый звон, словно невидимый гигант дёрнул за бронзовый язык.

А затем всё резко прекратилось.

Наступила абсолютная, звенящая, неестественная тишина. Словно сам окружающий мир на секунду умер, затаив дыхание перед катастрофой.

Валерий с трудом выпрямился, утирая проступивший на лбу холодный пот, и на негнущихся ногах подошёл обратно к окну.

На площади бушевала паника. Горожане в ужасе метались по улицам, падали в пыль, давили друг друга, дико указывая пальцами на землю у подножия замковых ворот. Кто-то молился. Кто-то крестился. Кто-то просто стоял и смотрел — как будто ждал этого десять лет.

Валерий перевёл остекленевший взгляд вниз.

От самых центральных ворот Элхары, через весь вымощенный двор, рассекая городскую площадь и уходя дальше к тёмной кромке леса, пролегла гигантская трещина. Глубокая, дышащая паром, с неровными рваными краями. Она рассекла вековую каменную мостовую точно так же, как раскалённый нож рассекает кусок сухого масла.

И из этой бездонной тектонической щели вверх поднималось странное свечение.

Это не было пламя пожара и не солнечный свет. Снизу выбивалось бледное, леденящее душу свечение — серебристое, пульсирующее в ритме живого сердца. Словно под глубокими пластами земли проснулся источник энергии, который никогда не должен был увидеть дневное небо.

Валерий отшатнулся от оконного проёма, тяжело дыша. Сердце суматошно колотилось о рёбра, пальцы рук мелкой дрожью цеплялись за бархат портьеры.

Он слишком хорошо знал этот мертвенный свет. Он уже видел его однажды. В ту страшную ночь. Десять лет назад. Когда его солдаты вышвырнули окровавленную племянницу за ворота и он приказал наёмникам не преследовать её, оставив умирать в дорожной грязи. Все эти десять лет он пытался убедить себя, что девушка сгинула в лесу, что её кости истлели в какой-нибудь канаве. Но глубинное чутьё подсказывало: тьма не забрала её. Он надеялся на её смерть, истово молился о ней.

Он жестоко ошибался.

Элара открыла глаза.

Первым чувством, вернувшимся к ней из небытия, оказалась лютая, сковывающая суставы стужа. Не та прохлада, что царила в осенней пещере перед сном, а абсолютный, космический холод. Ей казалось, что её плоть, кости и внутренности за десять лет полностью срослись с гранитной толщей горы, превратившись в монолитный камень.

Тело совершенно не подчинялось сигналам разума. Пальцы рук ощущались чужими, ноги налились свинцовой тяжестью. Элара предприняла отчаянную попытку сделать вдох, но грудная клетка судорожно сжалась, отказываясь впускать воздух. А затем из глубины лёгких вырвался надрывный, мучительный кашель. Она задыхалась, сплёвывая на камень вековую пыль и сгустки тёмной, запёкшейся слизи.

Этот судорожный приступ кашля заставил омертвевшее тело очнуться.

Кровь с болью и гулом возобновила свой путь по жилам, кончики пальцев отозвались покалыванием. Элара с трудом согнула пальцы правой руки, разжала их и снова сжала в кулак. В её ладони покоился твёрдый, шершавый предмет. Окаменевший, высохший ломоть ржаного хлеба. Тот самый хлеб, который десять лет назад вложил в её окровавленные руки незнакомый пастух на пыльной дороге. Он не истлел. Он превратился в камень, но остался с ней.

Элара медленно, преодолевая дикую боль в затёкшей спине, села на полу пещеры. Голова мучительно кружилась, перед глазами плыли кровавые круги.

Вокруг царил полумрак, но это была не прежняя непроглядная тьма. Прямо над её головой, сквозь свод пещеры, пролегал гигантский разлом. Свод распахнулся к небу, и сквозь эту трещину внутрь подземного укрытия лился бледный, холодный, мерцающий свет. Он озарял влажные каменные стены, россыпи гравия и её собственные руки.

Элара запрокинула голову, всматриваясь вверх. Далеко над ней, сквозь рваные края каменного разлома, виднелся кусочек настоящего серого неба. Она видела бегущие осенние облака, слышала гул свободного ветра. Внешний мир продолжал жить, пока она покоилась в каменном небытии.

Сколько времени прошло? Дни? Месяцы? Десятилетия? Она не ведала ответа.

И именно в этот момент из глубины подземной залы донёсся спокойный, размеренный голос:

— Ты проспала целых десять лет, Элара. Длительный срок для смертного человека. Но недостаточно долгий, чтобы стереть память.

Элара резко обернулась на звук. От резкого движения в висках стрельнула острая боль, но она упрямо сжала зубы, впившись взглядом в густую тень у дальней стены пещеры.

Там, где гранитные пласты сходились в тупой угол, замерла высокая фигура. Мужской силуэт — неподвижный, монументальный, сливающийся со мраком. Элара не могла разглядеть черт его лица, но отчётливо видела глаза. Два ярких, немигающих источника света, подобно двум холодным звёздам в ночном небе.

— Кто ты такой? — вырвался из её сорванной гортани глухой, хриплый шёпот.

Фигура неспешно сделала шаг вперёд, выходя на полосу мертвенно-серебряного света, падающего из разлома.

Он выглядел как мужчина высокого роста, но в его облике не угадывалось ничего человеческого. Лицо обладало безупречной, точёной красотой, однако эта красота казалась слишком застывшей, древней, лишённой живых эмоций. Кожа имела глубокий, тёмный оттенок, подобный ночному небу перед грозой, а плотные тёмные одежды струились вокруг его тела, точно сотканные из самого полумрака. У него не было при себе ни меча, ни щита, но сама его осанка и монолитная статичность внушали подсознательный, трепетный ужас.

— Моё имя — Каэлен, — произнёс он. В его голосе звучал гул подземных рек и шелест вековых пластов. — Я хранил твой сон. И я ждал тебя.

Элара замерла, гипнотизируя его взглядом. Память мгновенно восстановила события той страшной ночи. Голос. Это был тот самый голос, который прозвучал в её сознании перед тем, как лихорадка окончательно погрузила её в небытие. «Ты не умрёшь. Ты будешь спать. Пока не придёт твой час».

— Это был ты… — произнесла она, медленно поднимаясь на ноги. — Ты говорил со мной в ту ночь.

Каэлен коротко, величественно наклонил голову:

— Я услышал тебя в глубокой тьме. Сквозь толщу камня до меня долетел не твой предсмертный стон и не жалкая мольба о пощаде. До меня донеслось твоё обещание. Ты произнесла: «Я вернусь». И заснула. Я остался подле тебя.

Элара оттолкнулась от шершавого уступа и сделала первый самостоятельный шаг. Ноги всё ещё подрагивали от слабости, но воля уже вернулась в тело. Она остановилась в двух шагах от древнего существа, всматриваясь в его мерцающие глаза без малейшего намёка на страх. Страх сгорел в ней десять лет назад, у запертых ворот Элхары.

— Ты — демон из преисподней? — прямо спросила она.

— Нет, — отрезал Каэлен без обиды. — Я — дух Справедливости. Я существовал на этой земле задолго до того, как твой далёкий предок заложил первый камень в основание Чёрного Замка. Моё естество видит истинную правду в человеческих сердцах. Я не могу не замечать лжи, не умею льстить и не способен молчать, когда вершится подлость. Именно за эту неспособность к компромиссам меня и заточили в подземный склеп. Твой прапрадед. Тот самый правитель, который скрыл от подданных мерзкое преступление — братоубийство ради обретения венца. Я видел это. Я не мог молчать. И он запечатал меня. На триста лет. Ты — его кровь. Но ты — не он. Пока.

Элара замерла. Прапрадед. Основатель их могущества. Священная кровь рода.

— Значит, ты питаешь ненависть к моим предкам, — произнесла она. Это был не вопрос, а холодный вывод.

— Разумеется, — спокойно подтвердил дух. — Я не испытываю к тебе ни доверия, ни сочувствия. В твоих жилах течёт кровь предателя. Однако я слышал твоё клятвенное обещание. И я пойду за тобой. Пока ты будешь говорить правду и требовать отчёта по совести. Но запомни сразу: стоит тебе солгать хотя бы один раз — поддаться трусости или скрыть истину ради выгоды — и я покину тебя навсегда. Второго шанса не существует.

Элара медленно, глубоко кивнула, принимая его суровый закон. Без колебаний и без попыток торга.

— Меня устраивают эти условия, — ответила она. — Идём.

Они покинули подземную пещеру без лишних слов. Элара шагала первой, выкарабкиваясь сквозь узкий лаз, Каэлен бесшумно двигался следом, подобно плотной живой тени.

Яркий осенний свет снаружи с размаху ударил по отвыкшим от солнца глазам. Элара зажмурилась, прикрыв лицо согнутым локтем. Постояла так минуту, привыкая к резкому свету, а затем разжала веки.

Лес вокруг изменился до неузнаваемости. За десять лет вековые дубы разрослись ещё шире, подлесок превратился в непроходимую чащу, а узкая грунтовая тропа, по которой она

ползла в день своего изгнания, полностью заплыла дёрном и мхом. Но атмосфера осталась прежней. Это был тот самый древний лес.

И именно там, у знакомого искривлённого дуба с глубоким дуплом, она увидела его.

Конь стоял у самого ствола. Крупный вороной жеребец с угольно-чёрной шерстью, поглощающей свет. Он не был привязан вервием. Он просто стоял на том самом месте, где она оставила его мысленно десять лет назад. Без движения. Не выказывая беспокойства. Словно глубоко внутри знал, что его хозяйка обязательно вернётся сквозь вечность.

Элара сделала шаг навстречу, не смея поверить собственным глазам.

Вороной медленно повернул голову. Его глубокие, умные глаза остановились на её фигуре. Конь не издал громкого ржания, не забил копытом — он лишь тихо, доверчиво фыркнул, пустив струйку пара из ноздрей, и шагнул навстречу, тяжело уткнувшись влажным носом ей в плечо.

Он был тёплым. Живым. Настоящим.

Элара судорожно обхватила его за мощную шею, зарывшись лицом в густую, шелковистую гриву. И впервые за десять лет с её глаз брызнули слёзы. Это были не слёзы слабости или отчаяния — горячие, очищающие капли вымывали из души заскорузлый лёд лихорадки. Она плакала беззвучно, сотрясаясь всем телом, а конь терпеливо стоял рядом, отдавая ей своё живое тепло.

Каэлен застыл в нескольких шагах у края опушки. Молчаливый. Неподвижный. Выжидающий.

Спустя несколько минут Элара вытерла мокрые щёки порванным рукавом халата и гордо вскинула подбородок. Перевела взгляд на заросшую дорогу, уходящую сквозь лесную чащу на восток. Туда, где за холмами возвышались зубчатые башни её родного замка.

— Возвращение началось, — произнесла она голосом, в котором больше не осталось сомнений.

Она легко вскочила в седло. Осанка её выпрямилась, взмах поводьев был уверенным и точным. Каэлен бесшумно пристроился с левой стороны, превратившись в неразлучную тень.

И они двинулись по старой дороге. Навстречу Элхаре. Навстречу тому, что должно было случиться.

Они двигались по старой трассе два долгих дня, прежде чем на горизонте показались первые признаки человеческого жилья.

Дорога петляла между пологими холмами, густо заросшая диким бурьяном. Когда-то по этому тракту шли тяжёлые купеческие караваны, скакали королевские гонцы, а по осени крестьяне везли на ярмарку полные возы с урожаем. Теперь здесь поселилось мёртвое безмолвие. Лишь осенний ветер гонял серую пыль по колеям, да стаи воронья перекликались в ветвях вековых дубов.

Элара ехала впереди. Вороной конь шёл уверенным, размеренным шагом, не спотыкаясь на заросших ямах — животное словно помнило каждый изгиб этой дороги. Каэлен держался с левой стороны, чуть позади. Древний дух не произносил ни слова. Он двигался бесшумно, не оставляя следов на мху, как плотная живая тень. Время от времени Элара ловила на себе его тяжёлый, немигающий взгляд: две мерцающие искры в вечернем полумраке. Он не отводил взгляда. Изучал. Взвешивал. Ждал момента, когда её воля даст трещину.

На исходе третьего дня пути Элара, не оборачиваясь, нарушила молчание:

— Ты произнёс у пещеры, что пойдёшь за мной до тех пор, пока я говорю правду. Что эти слова означают на практике? Какую силу хранит в себе правда?

Каэлен выдержал паузу. Когда он заговорил, в его низком голосе послышался шелест сухих листьев и вибрирующий гул подземных пластов:

— Это означает, Элара, что у тебя в руках находится оружие, перед которым бессильны латы Валерия и вся его наёмная армия. Правда. Однако она обретает плоть и силу лишь тогда,

когда её отваживаются произносить вслух. Когда прилюдно называют имена. Когда возвращают из небытия тех, кого узурпатор пытался вымарать из памяти земли.

Элара натянула поводья. Вороной мгновенно замер, пустив струйку пара из ноздрей. Она развернулась в седле, впившись взглядом в холодное лицо духа:

— Имена?

— Имена, — твёрдо повторил Каэлен, сделав шаг вперёд. — Каждый человек, чей век был прерван подлостью и несправедливостью, оставляет в мире невидимый след. Не в пыльных хрониках и не на надгробных камнях. В самой земле. В воздухе, которым дышат живые. В сердцах тех, кто уцелел. Но если имя убитого предают забвению, если из страха прекращают шептать его у очага — этот след сохнет и стирается. Человек исчезает окончательно. Его не было. Никогда. — Дух поднял на неё мерцающие глаза. — Ты обязана возвращать их имена. Произносить их громко, чётко, без дрожи в голосе. Одного за другим. Пока они не услышат твой зов сквозь толщу мрака.

— Кто они?

— Те, кого забыли, — Каэлен застыл подле её стремени. — Они разорвут саван небытия и встанут за твоей спиной. Будут идти подле тебя до тех пор, пока ты хранишь верность правде. Но запомни суровый закон: если ты солжёшь хотя бы единожды — поддашься трусости, выкрутишься ради спасения собственной жизни или прикроешь ложь благой целью — они уйдут. Растворятся в утреннем тумане. И больше не вернутся никогда.

Элара долго всматривалась в его бессмертное, лишённое эмоций лицо. В нём не угадывалось ни капли человеческого милосердия — лишь абсолютная, бесстрастная справедливость веков.

— Я поняла тебя, — тихо, но без колебаний ответила она.

Она не стала уточнять, что произойдёт при первой же её ошибке. Ответ читался в самом взгляде древнего духа.

Первая деревня на их пути называлась Терн. Небольшое поселение дворов на двадцать, сиротливо приткнувшееся у подножия лесистого хребта. Когда-то здесь жили трудолюбивые лесорубы и смолокуры. Теперь же улицу затянула глухая, зловещая тишина. В бревенчатых избах покосились венцы, камышовые крыши провалились внутрь, а узкие оконца были наглухо заколочены досками крест-накрест. Казалось, жители спешно бросили свои очаги. Или их заставили уйти навсегда.

Элара спешилась на околице, привязав поводья вороного к искривлённому стволу дикой яблони. Каэлен остался в густой тени под деревьями — бессменный, выжидающий наблюдатель.

Она неспешно зашагала по заброшенной деревенской улице. На её шаги никто не вышел. Ни одна ставня не приоткрылась, ни из одной трубы не поднимался печной дым. Лишь худая, с облезлой шерстью собака коротко тявкнула из-под провалившегося крыльца и тут же испуганно забилась в темноту.

На самом краю Терна, у кромки дремучего леса, Элара наткнулась на могилы. Не на привычный сельский погост, а на три одиноких безымянных холмика, густо заросших пыреем и полынью. Ни крестов, ни камней с именами. Лишь три серых, необработанных валуна, вкопанных в сухую землю.

Элара опустилась на колени перед первым холмом. Провела ладонью по шершавой, покрытой лишайником поверхности валуна. Камень источал могильный холод.

— Кто вы? — едва слышно шепнула она в пустоту.

Ответом ей был лишь унылый свист ветра в лапах сосен.

— Я не знаю ваших настоящих имён, — произнесла она уже громче, поднимая подбородок. Голос её обретал металлическую твёрдость, разлетаясь над покинутой деревней. — Но

я точно знаю: вы жили на этой земле. Вас лишили жизни без вины и суда. Вас попытались стереть из памяти, будто вас никогда не было. — Она встала во весь рост, расправив плечи. — Я — Элара. Дочь короля. Законная наследница Элхары. Я вернулась из небытия. И я вспомню каждого из вас. Всех до единого. Я даю вам королевское слово.

Наступила долгая, звенящая пауза.

А затем сухая трава на безымянном холме ощутимо дрогнула.

Камень под её пальцами мгновенно налился глубинным, пульсирующим теплом. Земля под ногами издала тяжёлый, судорожный вздох. Глубоко под дёрном очнулся древний исполин. Из лесного массива на поляну хлынул плотный, молочно-белый туман, и посреди этого марева начал сгущаться человеческий силуэт.

Перед ней возвышался воин. Высокий, широкоплечий мужчина в тяжёлых, тёмных доспехах, поглощающих осенний свет. На его латах не было ни золотой чеканки, ни родовых гербов. Лицо воина отливало пеплом, а в глубине глазниц вместо живого взора тлели тусклые алые угли. Он замер неподвижно, безмолвно взирая на девушку.

Элара медленно поднялась с колен. Ноги предательски подрагивали, но она заставила себя выпрямиться и заглянуть мертвецу прямо в глаза:

— Назови своё имя.

Воин не разжал бледных губ. Вместо ответа он медленно поднял левую руку с тяжёлым каплевидным щитом. На его воронёной, лишённой украшений поверхности прямо на глазах проступил алый рисунок. Чёрная корона с гранёным рубином в самом сердце. Та самая регалия из её ночного кошмара.

— Я пока не знаю твоей прежней жизни, — произнесла Элара, сжимая кулаки. — Но я раскопаю правду. Я найду твоё имя и произнесу его во всеуслышание перед всем царством. Чтобы ты больше никогда не считался забытым.

Безмолвный воин медленно опустил щит. Не выказав ни враждебности, ни рабского покорства, он сделал шаг в сторону и встал по правую руку от Элары. Не позади, как слуга, а рядом. Как равный защитник и свидетель.

К исходу следующего дня они миновали лесной перевал и вышли к Ивени — деревушке, раскинувшейся вдоль извилистого речного русла. Здесь жизнь ещё теплилась: над двумя избами вился тонкий дымок, у постоялого двора мелькали людские фигуры. Однако едва Элара въехала на улицу в сопровождении вороного и молчаливой тени Каэлена, народ мгновенно исчез. Ставни со стуком захлопнулись, загремели засовы, а взлаявших дворовых псов хозяева суетливо затащили в сенцы.

Элара спешилась у площади и пошла пешком. Следом за ней беззвучно двигался Каэлен. А чуть позже чеканил шаг первый неупокоенный воин в пепельно-чёрных доспехах, с щитом, на котором мерцала алая корона.

В центре деревенской площади возвышался потемневший от дождей позорный столб. В прежние времена к нему привязывали воров и дебоширов. Теперь же вокруг дубового бруса земля была вытоптана до каменной твердости, а у самого основания чернело въевшееся в породу бурое пятно. Засохшая, старая кровь.

Элара присела на корточки, касаясь пальцами запёкшейся корки. Закрыла глаза, прислушиваясь к гулу земли.

— Чья кровь пролита на этом месте? — громко спросила она в пустоту.

Ответом был скрип ветхой двери. Из крайнего дома у ручья медленно вышла старуха — согбенная годами, кутающаяся в тёмный рваный платок. Она не смотрела на Элару. Её выцветшие, испуганные глаза были прикованы к безмолвному воину в чёрных латах, застывшему у неё за спиной. Дрожащая рука старухи непрерывно сотворяла защитные знаки.

— Уходи, девица… — сорванным шёпотом выдохнула женщина. — Уезжай прочь, пока слуги правителя не заметили тебя. В нашей деревне не прощают тех, кто задаёт лишние вопросы.

— Я пришла сюда не с вопросами, — твёрдо ответила Элара, поднимаясь на ноги. — Я пришла вернуть память. Скажи мне: чья кровь впиталась в этот камень? Кого они убили у столба?

Старуха долго молчала, воровато оглядывая пустые окна соседних изб. Затем с болью махнула сухонькой рукой в сторону позорного столба:

— Кузнец Мартин… Добрейшей души человек был. Год назад он вернулся с ярмарки в городе и под хмельком шепнул у кузницы, будто своими глазами видел, как королевскую дочку вышвырнули в грязь за ворота. Сказал, что она была жива и поклялась вернуться. На следующее же утро наёмники Валерия приволокли Мартина сюда. Привязали к столбу и… — старуха судорожно сглотнула слёзы. — Забили до смерти на глазах у всей деревни. А нам велели молчать под страхом петли. С тех пор мы и молчим. Стерли его имя из памяти.

Элара повернулась к позорному столбу. Вгляделась в высохшее бурое пятно, а затем перевела взгляд на замершую старуху.

— Мартин! — произнесла она во весь голос, и этот клик эхом отбился от деревенских крыш. — Кузнец Мартин! Я помню твою верность! Земля Элхары помнит твоё имя!

Пространство над рекой сгустилось. Из прибрежных зарослей ольхи на площадь ползучим валом выкатился густой туман. И посреди этого серебристого марева возникла новая фигура.

Высокий, широкоплечий мужчина в простой холщовой рубахе, перепачканной кузнечной сажей, и тяжёлом кожаном фартуке. В его жилистой руке лежал кузнечный молот. На груди ремесленника, прямо поверх грубой ткани, ярко вспыхнул алый символ Чёрной Короны. Он не произнёс ни слова. Лишь молча провёл рукой по окровавленному столбу и встал в строй рядом с первым воином.

Старуха отчаянно вскрикнула и тяжело рухнула на колени в пыль.

— Прости нас, Мартин! — зарыдала она, простирая руки к призраку. — Прости, что мы испугались! Прости, что молчали!

Элара подошла к плачущей женщине, опустилась рядом и мягко коснулась её дрожащего плеча:

— Поднимись. Люди Ивени не виноваты. Виновен лишь тот, кто выжег в ваших душах страх и заставил отречься от правды.

За следующую неделю они миновали ещё пять разорённых селений.

В каждом из них Элара находила безымянные, заросшие бурьяном могилы или места тайных казней. Она опускалась на колени перед холодными камнями, касалась земли и громко требовала ответа. Иногда уцелевшие жители — запуганные старики или вдовы — шёпотом называли ей имена погибших. Если же свидетелей не оставалось вовсе, Элара нарекала безымянных своими словами, называя их братьями и сёстрами Элхары, и произносила эти имена во весь голос, чтобы их слышали небеса.

И они откликались на её зов.

Сначала они выходили из тумана по одному. Затем — целыми десятками. Воины в тяжёлых пепельных доспехах, крестьяне с тяжёлыми косами и топорами, женщины, сжимающие в руках серпы. Все они были безмолвными, у всех были пепельно-серые лица с потухшими углями вместо глаз. И у каждого — на щите, на груди или на лезвии оружия — отчётливо горел знак Чёрной Короны. Им не требовалось отдавать приказы. Оружие и доспехи не ковались в кузницах — они возникали из самой памяти земли.

В одной из дальних деревень к Эларе подбежала маленькая девочка лет девяти. Худенькая, в изорванном льняном платьице, с пыльными босыми ногами. Она долго всматривалась в лицо всадницы на вороном коне, а затем тихо спросила:

— А ты правда… настоящая королевская дочь? Ты вернулась?

— Правда, милая, — Элара остановила коня и спрыгнула на землю.

— А мою маму ты сможешь вспомнить? — прошептала девочка, и в её глазах блеснули слёзы. — Её забрали стражники в прошлом году. За то, что она сказала на площади: наша законная госпожа жива и обязательно вернётся.

Элара присела перед ребёнком на корточки, бережно взяв её израненные ладошки в свои:

— Как звучало имя твоей мамы?

— Анна… Она пекла самый лучший хлеб во всей нашей волости.

Элара поднялась во весь рост. Развернулась к притихшей деревне и произнесла громким, чеканным голосом, разлетавшимся над домами:

— Анна! Пекарь Анна! Твоя верность не забыта! Твоё имя возвращается в Элхару!

И из белесого тумана, плывшего за ними от самой реки, плавно вышла женщина в холщовом фартуке, со следами муки на плечах. На её груди горел алый рубин Чёрной Короны. Она тепло, по-матерински улыбнулась плачущей девочке, после чего молча заняла своё место в общей шеренге.

Девочка зарыдала — беззвучно, с облегчением. Элара крепко обняла сироту, прижала к себе на мгновение, после чего развернулась и повела своё безмолвное войско дальше.

Каэлен двигался рядом. То уходил вперёд подобно разведчику, то отставал за спиной. Он не вмешивался в происходящее, выступая лишь бесстрастным наблюдателем. Лишь однажды, когда они пересекали очередной пустынный перегон, он произнёс:

— Чем больше людских сердец узнает истинную правду о том, что произошло десятилетие назад — тем монолитнее и сильнее становится твоя армия. Но чем гуще ложь, которой Валерий пропитал умы подданных — тем они уязвимее.

Элара притормозила коня, поворачиваясь к духу:

— Хочешь сказать, если подданные поверят лжи Валерия о том, что я — проклятая колдунья и чудовище…

— …твоё войско рассеется в один миг, — окончил за неё Каэлен. — Растает без следа. Это не смертная сталь, Элара. Это воплощённая правда. А она живёт до тех пор, пока её продолжают произносить вслух.

Она молча кивнула, принимая этот жёсткий закон, и тронула поводья.

На седьмой день похода они поднялись на вершину высокого гранитного кряжа.

Внизу расстилалась широкая, залитая осенним солнцем долина. Серый тракт, извиваясь между холмами, уходил к самому горизонту. И там, в сизой дымке дальнего края, отчётливо вырисовывались зубчатые башни Чёрного Замка Элхары. Её дом. Её растоптанное детство. Её цель.

Элара натянула поводья и обернулась назад.

За её спиной, заполнив весь склон холма и уходя строем в лесную чащу, расположились они. Тысячи. Безмолвные. Неподвижные. Их пепельно-чёрные латы не отражали солнечных лучей — они впитывали свет в себя, точно сухая земля впитывает воду. Ни одного победного клича, ни единого удара меча о щит, ни звука боевых труб. Лишь тишина. Густая. Тяжёлая. Живая.

Каэлен бесшумно приблизился к её коню, всматриваясь в этот безграничный строй, а затем перевёл взор на девушку:

— Запомни этот час, Элара. Они — не твои наёмники и не твои рабы. Они — твои свидетели. Эти люди поднялись из земли не ради захвата власти и не ради кровавой мести.

Они шагают за тобой только потому, что ты вспомнила их. Потому что ты вырвала их имена из лап забвения. Потому что ты не предала их память.

Элара окинула взглядом бесконечные ряды своих молчаливых защитников. Затем медленно подняла правую руку с зажатым поводком — не как полководец, отдающий приказ к атаке, а как правитель, приветствующий свой верный народ.

И тысячи пепельно-серых фигур ответили ей. Без слов. Единым, мощным, одновременным вздохом. Долина выдохнула. Разом. Десять лет молчания.

Элара развернула вороного к спуску.

— Идём, — произнесла она. — Нас ждут в Элхаре.

Они вышли к опушке, когда солнце уже клонилось к закату. Заходящие лучи мазали по стволам сусальным золотом, а сами деревья вставали сплошной стеной — тёмные, молчаливые, равнодушные. Дорога сворачивала к деревне, где, по словам Каэлена, жил старый священник.

Элара ехала впереди. Вороной ступал тихо и плавно, бесшумно погружая копыта в сухой мох.

Крик прорезал чащу внезапно. Женский. Сорванный, хриплый, переходящий в безнадёжный сип. В этом звуке не осталось ни надежды, ни попытки позвать на помощь — только дикая, первобытная боль человека, из которого выбивают остатки жизни.

Элара резко натянула поводья. Конь замер.

— Не твоё дело, — холодно бросил Каэлен, застывая тенью подле её стремени. — Мы идём к священнику. Это важнее.

— Это уже моё дело, — выдохнула Элара.

Она спрыгнула с седла и бросилась через подлесок. Ветки с треском хлестали по лицу, раздирая кожу, но боли она не замечала. Сердце суматошно колотилось где-то у самого горла, перекрывая кислород. Сквозь тяжёлый стук крови в висках пробивались голоса — сытые, будничные мужские смешки — и частый, судорожный хрип жертвы.

На лесной поляне их было четверо. Солдаты в тёмных, измазанных дёгтем латах без гербов. Дезертиры. Один скучающе держал стражу, чеша немытый затылок. Двое втаптывали девушке плечи в землю. Четвёртый — старший, с сизым от пьянства лицом и седой щетиной — навис над ней на коленях.

Девушка лежала на спине в куче колючей хвои. Её платье было с треском разорвано от ворота до подола, обнажённая грудь ходила ходуном от судорожных вдохов, а белая кожа покрылась грязевыми подтёками, ссадинами и синяками в форме отпечатков чужих пальцев. Руки были извернуты назад и намертво стянуты въевшейся в мясо бечёвкой. Она отчаянно дёргалась, извивалась всем телом, пытаясь лягнуть насильника, но навалившийся сверху солдат сразу прижал её горло предплечьем, заставляя задыхаться и сипеть.

— Тихо ты, паскуда, — процедил он с ленивой злобой. — Не дёргайся. Быстрее закончим.

Она собрала последние силы и сплюнула кровавой слюной ему прямо в глаз. Солдат яростно вытерся рукавом и со всей силы впечатал кулак ей в щёку. Звук удара прозвучал страшно, влажно. Голова девушки беспомощно откинулась, из рассечённой губы на шею брызнула алая юшка, в глазах на мгновение погас свет.

Старший мозолистыми, содранными пальцами резко рванул свой поясной ремень. Девушка очнулась, забилась с новой силой, пытаясь сомкнуть окровавленные ноги. Он безжалостно вбил колено между её бёдер, раздвигая их с хрустом суставов.

— Не надо… — выдохнула она сквозь слёзы, глотая собственную кровь. — Пожалуйста… Умоляю, не надо…

Он даже не взглянул ей в лицо. На его вислоухом лице не было ни ярости, ни страсти — лишь тупое, механическое намерение взять то, что лежит без защиты. Как убой скота. Как отработка смены.

Элара замерла за стволом старой ели. Рука на рукояти меча сжалась так, что костяшки побелели, а металл въелся в кожу. Внутри, в самой глубине груди, рухнул какой-то вековой засов. Вскипело что-то абсолютно чёрное, слепое и густое. Это не была человеческая ярость или праведный гнев. Это была бездонная, леденящая тьма, требующая крови. Она больше не думала. Сознание отключилось. Остался лишь инстинкт: они не должны дышать.

Она шагнула из тени. Клинок бесшумно выскользнул из ножен.

Часовой уловил движение слишком поздно. Элара ударила сбоку, широким ударом — от левого плеча наискось к бедру. Клинок вошёл в плоть с сухим, мерзким треском, рассекая кости и доспех. Солдат развалился пополам ещё до того, как успел осознать смерть. Фонтан горячей крови обдал траву, халат Элары, её руки.

Второй отшатнулся от девушки, судорожно хватаясь за эфес. Элара не дала ему выхватить и дюйма стали. Слитный, страшный взмах — и срубленная голова покатилась по хвое. Обезглавленное тело секунду балансировало, обильно фонтанируя из шеи, после чего рухнуло тяжёлым мешком.

Третий бросился наутёк, ломая кусты. Элара вскинула левую руку. Внутренняя тьма отозвалась мгновенно, с готовностью хищника.

Чёрный ветер сорвался с её пальцев. Густой, смолистый сгусток тьмы настиг беглеца в три прыжка, мгновенно обвил его шею и торс и сжался с нечеловеческим треском. Солдат не успел даже закричать — он рассыпался прямо на бегу в серый пыльный пепел. На траве осталось лишь обугленное тёмное пятно.

Старший остался один. Он сидел на коленях в чужой крови, дрожащими, ослабевшими руками пытался подняться и снизу вверх уставился на Элару. В его заплывших глазах бился первобытный, животный ужас. Он робко поднял измазанную в грязи ладонь, пытаясь заслониться:

— Стой… Слышишь…

Она шагнула вплотную. Тяжёлый, падающий удар клинка сверху вниз — и клинок с хрустом вошёл в череп.

Всё стихло.

Тяжело, прерывисто дыша, Элара застыла посреди месива из тел, крови и дымящегося пепла. Клинок в её руке дрожал мелкой дрожью. Чужая горячая кровь запятнала её лицо, губы, волосы, но она даже не пыталась вытереться. Внутри всё онемело.

Девушка на земле лежала неподвижно, не мигая, широко раскрытыми глазами впившись в свою спасительницу. Её тело всё ещё сотрясала мелкая, непрерывная судорожная дрожь.

Элара опустилась перед ней на колени прямо в окровавленный мох. Достала нож, быстро перерезала врезавшиеся в запястья верёвки, сорвала с собственных плеч плотный шерстяной плащ и бережно, стараясь не причинить боли, укутала её. Плечи. Разорванную грудь. Изуродованные бёдра. Всё, что было не для чужих, грязных глаз.

— Как тебя зовут? — тихо спросила Элара, чувствуя, как голос срывается на сип.

Девушка молчала, судорожно сжимая край плаща у подбородка, а затем сквозь зубы прохрипела:

— Аэлина.

— Аэлина, — повторила Элара, осторожно касаясь её лба. — Всё кончено. Ты в безопасности. Больше ни одна мразь к тебе не прикоснётся. Слышишь меня?

Аэлина медленно качнула головой. Перевела остекленевший взгляд на разрубленные трупы, на обугленное пятно в траве, а затем снова впилась глазами в Элару.

— Кто ты? — прошептала она.

— Элара. Дочь короля. Я вернулась.

Аэлина всматривалась в её запятнанное кровью лицо. Долго. Бесконечно долго. И вдруг на её разбитых, окровавленных губах мелькнула слабая, надломленная, но удивительно светлая улыбка.

— Я не знала, что ты придёшь, — тихо, но с глубоким выдохом произнесла она. — Но я верила. Каждый день. Каждую ночь, когда они ломали нас. Верила, что кто-то придёт. Что кто-то вспомнит. Что мы не брошены.

Она замолчала, переводя дыхание. Её взгляд скользнул по мёртвым кускам мяса на траве.

— Все вокруг шептали: «Забудь». «Молчи». «Покорись, если хочешь выжить». А я не могла. Не умела стереть правду. — Она снова подняла глаза на Элару, и в них вспыхнул ровный, холодный огонь. — И ты пришла. Значит, моя вера была не напрасной.

В этом голосе звучала не просто благодарность спасённой жертвы. В нём зародилась фанатичная, слепая преданность человека, нашедшего своего спасителя. Но Элара в тот момент была слишком истощена, чтобы распознать этот оттенок. И слишком ослеплена собственной болью, чтобы заметить, что за этой преданностью прячется что-то ещё. Что-то холодное.

Каэлен бесшумно вынырнул из лесной тени. Его мерцающий, ледяной взгляд скользнул по трупам, по выжженной траве и зафиксировался на Эларе.

— Ты вновь призвала тёмный дар, — проговорил он ровно, без осуждения, но с тяжёлым предостережением. — Силу, природы которой ты не ведаешь.

— У меня не было времени на рассуждения, — отрезала Элара, не поднимая глаз.

— Эта сила соткана из скверны. Ты могла испепелить здесь всё живое. Или сжечь собственный разум.

— Но я вырвала её из их рук.

Каэлен выдержал долгую паузу, заглядывая в её выжженную душу, затем сурово накренил голову:

— Сегодня — да. Но помни: эта сила не принадлежит тебе. Она порождена бездной, и рано или поздно бездна потребует соразмерную плату.

Элара ничего не ответила. Она бережно помогла Аэлине подняться. Девушку сильно штормило, ноги не держали, и Элара, обнимая её за талию, подвела к вороному коню, помогая взобраться в седло. Сама же взяла жеребца под уздцы и пошла пешком.

— Тебе нужно ехать, госпожа, — тихо проговорила Аэлина, свешиваясь с седла. — Ты запятнана кровью, ты устала…

— Отдыхай, — отрезала Элара. — Тебе нужно восстановить силы.

Аэлина не отрывала от неё взгляда. В этом взгляде больше не осталось детского страха — только нерушимая, слепая верность.

— Я пойду за тобой до самого конца, — чеканила она каждое слово. — Куда бы ты ни повела.

Деревня называлась Кайр. Небольшое поселение дворов на тридцать, раскинувшееся у самого подножия серого гранитного хребта. Когда-то здесь селились суровые каменотёсы, добывавшие камень для замковых стен. Теперь же на улицах воцарилась глухая тишина. Избы выглядели добротными, сложенными из тёсаного гранита, не разрушенными войной. Но ставни были наглухо закрыты, тяжёлые засовы задвинуты. Ни души.

Элара шла пешком, ведя вороного под уздцы. Аэлина сидела в седле, прижимая к груди тёплый шерстяной плащ. Каэлен беззвучно скользил позади — неразличимая тень среди вечерних теней. Многотысячная армия неупокоенных свидетелей осталась у кромки леса, затаившись в тумане.

У самой околицы их встретил старик.

Он стоял посреди сухой грунтовой дороги — сгорбленный, седой как лунь, в простой суконной рясе местного священника. В его иссохших, покрытых мозолями руках лежал меч.

Старый, тяжёлый клинок с потемневшим от времени лезвием. Он держал его изо всех сил обеими руками. Измождённое годами работы с камнем тело ослабело от старости, и лезвие ощутимо дрожало. Но священник не отступил ни на шаг.

— Стой, где стоишь, — произнёс он. Голос сипел, но с непреклонной твёрдостью. — Дальше ты не пройдёшь.

Элара остановила коня. Вороной фыркнул, опустив голову.

— Я пришла не с войной, — проговорила она. — Я ищу местного священника.

— Священник — это я. — Старик с усилием приподнял тяжёлый клинок выше. — И я не пущу тебя в деревню. Пока я дышу — не пройдёшь.

— Почему ты встал на дороге?

— Потому что я знаю, кто ты такая. — Он впился взглядом в её запятнанное кровью лицо. — Ты — та, что вернулась из мёртвых. Та, чьего имени ждали в молитвах. И та, кто принесёт с собой смерть.

Элара молчала несколько секунд, разглядывая старца.

— Ты знал меня в детстве? Помнишь моё лицо?

— Нет. — Старик качнул седой головой. — Но я умею видеть знамения. Трещины в граните. Мертвенный свет из-под земли. И шёпот мертвецов в лесу. — Он коротко скользнул взглядом по бесплотной фигуре Каэлена за её спиной. — Я вижу древнюю тень, шагающую следом. Я знаю, кто он такой. И ведаю, какую цену он возьмёт за свою службу.

Каэлен не шелохнулся. Не произнёс ни единого слова. Лишь продолжал прожигать старика холодными огнями глаз.

— Ты боишься, — тихо проговорила Элара, сделав шаг вперёд. — Это нормальное чувство. На твоём месте я ощущала бы то же самое. Но я пришла не разорять твои дома. Я пришла за тобой.

— За мной? — старик чуть накренил меч.

— Ты единственный в этой волости, кто не сломался. — Элара остановилась в двух шагах от его обнажённого клинка. — Все остальные присягнули узурпатору. Все остальные трусливо молчите десяток лет. Ты — вышел один с мечом против армии. — Она заглянула ему в глаза. — Мне не нужен ещё один палач. Мне нужен голос. Голос человеческой совести. Ты будешь судить от моего имени.

Старик медленно, тяжело опустил острие меча. Клинок с тихим скрежетом опустился на сухую землю. Он долго вглядывался в девушку, словно пытаясь разглядеть на дне её души чистую правду.

— А кто… кто в таком случае будет судить тебя саму? — тихо спросил он.

— Ты, — без колебаний отчеканила Элара. — Если я переступлю черту правды и обращусь в чудовище — останови меня.

Старик молчал. Затем глубоко выдохнул, вытирая пот со лба, и отступил с дороги:

— Идём. Я открою для тебя храм.

Храм возвышался в самом центре Кайра. Небольшой, строго сложенный, из того же серого гранита. Внутри царил приятный полумрак и прохлада. Воздух пропитался ароматом пчелиного воска, ладана и старой пергаментной бумаги.

У дальней стены, над простым каменным алтарём, висел резной барельеф. Изображение короны. Не той пышной золотой регалии, что носил на пирах Валерий. Иной. Чёрной. С гранёным рубином в самом центре.

Элара замерла перед алтарём, не отрывая взгляда от барельефа.

— Это она… — выдохнула она. — Чёрная Корона из моих снов.

— Да, — подтвердил старик, подходя ближе. — Чёрная Корона Элхары. Великая регалия, которая никогда не была простым украшением. Это — символ нерушимой правды. Её

возлагали на чело только те правители, что властвовали по совести и суду. — Он наклонился к основанию алтаря. — Валерий перерыл всю цитадель в её поисках. Допрашивал ювелиров, вскрывал гробницы предков, рылся в тайниках. Но он не догадался искать в простом деревенском храме каменотёсов. Она ждала здесь. Всё это время.

Старец с трудом извлёк из ниши тяжёлый дубовый сундук, окованный железом. Ржавый замок поддался под его пальцами. Крышка откинулась.

На потемневшем алом бархате покоилась корона. Тяжёлая, выкованная из тёмного, поглощающего свет металла. В её центре искрился крупный рубин. Сначала тускло, но по мере приближения Элары камень налился живым, пульсирующим алым светом.

— Она ждала этого часа, — шепнул старик. — Древний металл признаёт только кровь того, кто судит по правде. Твой отец не дерзнул надеть её — он был слишком мягок и закрывал глаза на подлость вассалов. Валерий не мог даже коснуться её — его жгла ложь. А ты… — Он бережно поднял тяжёлую регалию обеими руками. — Ты выдержала испытание.

Элара приняла корону. Металл оказался холодным и невероятно массивным. Но едва её пальцы сомкнулись на тёмных зубцах, рубин в центре вспыхнул ослепительным пламенным сполохом, отозвавшись в её венах волевым импульсом.

— Надень её, — попросил священник.

Элара подняла корону и опустила на голову. Корона легла идеально — тяжёлая, суровая, но абсолютно естественная. Словно она стала продолжением её собственной плоти.

— Теперь ты — истинная королева Элхары, — произнёс старик, склоняя седую голову. — Не по праву крови. По праву правды.

На деревенской площади перед храмом начал стекаться народ. Люди выходили из изб медленно, с опаской оглядываясь по сторонам. Они молча всматривались в фигуру девушки на крыльце, в тёмный венец на её голове, в седого священника, в бледную Аэлину и в неподвижного Каэлена. В их глазах застыли неведение и глухой страх.

Старый священник ступил на верхнюю ступень ратушного помоста и поднял руку. Шум на площади стих.

— Я знаю, какой страх сковывал ваши сердца эти десять лет! — громко произнёс старец, и его голос раскатывался над строгими крышами Кайра. — Я знаю, как вы прятали глаза, как хоронили замученных родичей впотьмах за оградой! Каждого из нас заставили стереть их имена из памяти! Нас принудили шептать ложь и делать вид, будто этих людей никогда не было на свете! — Он перевёл вдох. — Но сегодня настал час искупления. Сегодня мы вернём их имена из тьмы. Всех до единого!

Он выпрямился и начал читать имена. Одно за другим.

Имена каменотёсов, не пожелавших строить казематы для узурпатора. Имена женщин, не отдавших сыновей в наёмники. Имена юношей, сгинувших в застенках. Священник чеканил каждое имя громко, отчётливо, посылая звуки к самым небесам.

Люди на площади плакали. Беззвучно, глотая слёзы. Мужчины опускались на колени прямо в гранитную пыль, женщины закрывали лица руками, слушали и не верили своим ушам.

А из густого тумана, сползавшего с лесного хребта, на площадь начали беззвучно выходить они. Призраки. Неупокоенные свидетели. Те самые люди, чьи имена только что прозвучали над деревней. Они смыкали ряды, застывая в молчаливом строю, и на их воронёных щитах вспыхивал алый символ Чёрной Короны.

Жители Кайра видели своих погибших родичей — и не бежали в ужасе. Потому что в их сердцах проснулось осознание: это не монстры. Это их собственная, вырванная из небытия память.

Старик закончил поминание. Опустил руку и повернулся к Эларе:

— Теперь ты знаешь их имена. Они встали за твоей спиной. Не как рабы, а как твои свидетели перед богом и людьми.

Элара молча, с глубоким уважением склонила голову.

На следующее утро объединённое войско покинуло Кайр.

Армия двигалась сокрушительной, молчаливой лавиной. Тысячи неупокоенных воинов и крестьян чеканили шаг. Аэлина ехала верхом по правую руку от Элары. На ней больше не было изорванного платья — женщины Кайра дали ей простое, но прочное дорожное одеяние. Девушка держалась в седле ровно, уверенно смотря вперёд. Ни одной жалобы на усталость, ни единой просьбы о пощаде. Она просто была рядом.

— Ты не обязана идти на замок, Аэлина, — проговорила Элара, поворачиваясь к ней. — Ты можешь остаться в Кайре. Здесь тебя сберегут.

Аэлина перевела на неё свой фанатично преданный взгляд:

— Моё место — подле тебя, госпожа. До самого конца.

Элара долго всматривалась в её юное, но застывшее в нерушимой решимости лицо, а затем коротко кивнула:

— Хорошо. Но если станет невмоготу — скажи мне сразу.

— Не станет, — чеканила Аэлина, и на её бледных губах расцвела та самая чистая, светлая улыбка. — Я выдержу всё.

Элара улыбнулась ей в ответ — впервые за много дней лёд в её груди на миг отступил.

Каэлен двигался чуть позади их лошадей. Древний дух хранил гробовое молчание, но в его мерцающих глазах читалось не одобрение и не слепая ярость. Там застыло мрачное, вековое предупреждение.

ГЛАВА 2. ШЕСТВИЕ И ЛЮБОВЬ

Лагерь раскинулся на широком лугу у самого подножия серого гранитного холма.

Тысячи неупокоенных свидетелей застыли молчаливыми строями — неподвижные, словно изваяния, высеченные из ночи. Их воронёные доспехи без остатка впитывали лунный свет. Костры горели ровно, без треска и искр, и в их багровых отсветах пепельно-серые лица погибших казались почти живыми.

Элара сидела у огня. Сон не притрагивался к её векам. Она молча всматривалась в пляшущие языки пламени. На её коленях покоился кусок ржаного хлеба — тот самый окаменевший ломоть, который она неизменно хранила у самого сердца вот уже десять лет. Девушка медленно провела кончиками пальцев по глубоким сухощавым трещинам. Хлеб казался холодным, как речная галька, но в её памяти он всё ещё излучал тепло.

Она не помнила лица того юноши. Память сохранила лишь руки — грубые, шершавые, хранящие следы тяжёлого труда. И короткие слова, произнесённые без капли жалости или страха: «Ешь. Тебе нужнее». В тот день она не спросила ни его имени, ни откуда он родом. Просто приняла из его рук спасение. Просто выжила.

— Ты вновь возвращаешься мыслями к нему, — произнёс Каэлен.

Древний дух возник из ночной тени за её спиной, бесшумный и монолитный, точно сама гора.

— Я не способна вычеркнуть его из памяти, — тихо отозвалась Элара, не поднимая головы. — Он отдал мне свой последний ломоть и ушёл в пыль. А я даже не спросила, как его звать.

— Ты вознамерилась разыскать его.

— Да.

Каэлен выдержал долгую, глубокую паузу. А затем впервые за всё время их похода опустился на траву рядом с ней — не за спиной, а сбоку, как равный спутник.

— Я помогу тебе в поиске, — проговорил он низким, вибрирующим голосом. — Не потому, что это приблизит падение Чёрного Замка. А потому, что это необходимо твоей собственной душе.

Элара перевела на него долгий, благодарный взгляд и коротко кивнула.

На рассвете она собрала на совет весь лагерь. Старый священник встал по правую руку от неё. Аэлина застыла чуть позади, сохраняя молчаливую верность. Каэлен растворился в тени векового дуба.

— Я должна разыскать одного человека, — громко обратилась Элара к замкнутому строю. — Десять лет назад он вытащил меня из лап смерти на пыльной дороге. Я не знаю его имени. Мне не ведомо, где стоит его очаг. Я знаю лишь то, что он был простым пастухом и поделился со мной последней едой. — Она перевела дыхание, окинув взором ряды воинов. — Я прошу вас стать моими глазами и ушами. Расспрашивайте жителей в каждом селении. Слушайте шёпот ветра. Ищите.

Неупокоенные хранили гробовое молчание. Но вдоль их безмолвного строя прошла едва заметная волна — мёртвые свидетели приняли волю своей королевы.

За следующую неделю Аэлина обратилась в истинное живое сердце этого мрачного войска.

Она не позволяла себе ни минуты праздного отдыха. С первых лучей солнца и до глубокой ночи девушка находилась в непрестанном движении. Она хлопотала у костров, готовя горячую пищу. Неупокоенным воинам не требовалось пропитание, но она варила похлёбку для живых: для старого священника, для крестьян, примкнувших к шествию, и для сирот, которых находили в заброшенных деревнях и приводили под защиту Чёрной Короны.

Дети души в ней не чаяли. Они стайкой бегали за ней по лагерю, играли в прятки между шатрами, а по вечерам с замиранием сердца слушали её тихие сказки у костра. Девчонки плели для неё венки из полевых ромашек и бережно заплетали её тёмные волосы, когда Аэлина опускалась на траву передохнуть. Она никому не отказывала в ласке.

Однажды у края лагеря она заметила юношу-ополченца — совсем мальчика лет восемнадцати, который сидел на лафете, судорожно прижимая к груди окровавленную руку. Рана воспалилась, парень закусывал губы от острой боли, но упрямо молчал, боясь выказать слабость. Аэлина подошла без лишних расспросов. Бесшумно опустилась перед ним на колени, бережно приняла его израненную кисть, сняла грязную ветошь и промыла рану чистой водой из криницы. А затем аккуратно перевязала её свежим льном. Закончив, она наклонилась и тепло, по-матерински поцеловала юношу в чумазый лоб. Простая, тихая милость. Улыбнулась и пошла дальше — к тем, кто замер в ожидании помощи.

Молодой солдат долго смотрел ей вслед, и на его измученном лице впервые за долгие месяцы просияла робкая улыбка.

Аэлина успевала повсюду. Увидит старуху с тяжёлым ведёрным коромыслом — и уже перехватывает дужку. Заметит воина, которому раненая рука не позволяет застегнуть подпругу — и её ловкие пальцы уже затягивают ремень.

Одной холодной порой глубокой ночью она услышала тихий плач за палаткой. Там, сжавшись в комок на колючей траве, плакала пятилетняя девочка, чья мать накануне умерла в разорённой Ивени. Малышка осталась совершенно одна на всём белом свете. Аэлина опустилась подле неё, бережно привлекла к себе и принялась тихо, убаюкивающе напевать древнюю колыбельную. Девочка постепенно успокоилась, уткнувшись носом в её кожаный доспех, и крепко заснула. Аэлина просидела в сырости до самого заката, не шелохнувшись, дабы не спугнуть спасительный сон сироты.

Когда утром девочка разжала веки и увидела над собой ласковые глаза Аэлины, из её взгляда навсегда исчез дикий, загнанный страх.

Её светлая, ангельская улыбка обратилась для всего войска в настоящий нерушимый оберег. Люди свято поверили: пока Аэлина улыбается на рассвете — тьма не сможет сломить их дух, а правда обязательно восторжествует.

Даже неупокоенные воины — безмолвные, суровые, лишённые земных чувств — невольно провожали её взглядами. На их пепельно-серых лицах проступало нечто неуловимое: не улыбка, не привычное человеческое тепло, но глубинное воспоминание о той жизни, которую они когда-то утратили. Аэлина служила для мёртвых тем самым единственным лучиком солнца, ради которого стоит подняться из могилы.

Даже Каэлен порой надолго замирал, наблюдая за ней из тени. В его бесстрастных, звёздных глазах билась сложная, непонятная ему самому гамма чувств. Не одобрение. Не холодное осуждение. Нечто совсем иное — то, перед чем древний дух чувствовал невольное смятение и поспешно отводил взор.

Аэлина теперь носила прочные кожаные латы, идеально подогнанные по гибкой фигуре. Латы были воронёными, без пышных чеканок. Лишь на груди покоилась миниатюрная серебряная копия Чёрной Короны — символ нерушимой верности своей госпоже. На её поясе покоился короткий, удобный меч. За прошедшую неделю она упорно научилась обращаться с оружием.

Её гнедая кобыла по кличке Заря мирно щипала траву подле шатра. Аэлина лично выбрала её из крестьянского табуна, нарекши этим именем за любовь к первым лучам солнца.

Она держалась удивительно гордо. Плечи расправлены, взгляд прямой и суровый. Говорила мало, но каждое её слово весило дорого. Смотрела на окружающих с глубоким, пристальным вниманием, в котором не было места ледяному отчуждению.

И лишь подле Элары она позволяла себе стать прежней — мягкой, тихой, открывающей ранимую душу.

Поиски пастуха велись тремя незримыми путями.

Элара неустанно расспрашивала жителей. В каждом селении, в каждой уцелевшей избе она стучала в двери, опускалась на скамью подле крестьянских очагов и внимательно слушала людские истории. В эти мгновения она отказывалась от величия правительницы — она была просто женщиной, желающей отыскать своего спасителя. И крестьяне открывали ей сердца.

Каэлен считывал следы иначе — древним, недоступным смертным чутьём. Он неспешно шагал по заросшим трактам, надолго замирал на перекрёстках, припадал ладонью к граниту и прислушивался к вековому гулу земли. «Он проходил этим путём», — ровно произносил дух. Или: «Здесь его волокли под стражей. В железных путах». Элара не расспрашивала о природе его дара — она просто слепо верила его указаниям.

Аэлина же вела беседы с людьми. Мягко. С трепетным теплом. Она обладала редким даром слушать так, что собеседнику хотелось излить всю накопившуюся боль, и умела хранить молчание, которое не пугало. Старики без опаски доверяли ей тайны, спрятанные от слуг узурпатора, а вдовы плакали на её юном плече.

— Пастух? Совсем молодой парень со светлыми волосами? — переспросила седая вдова в одной из дальних деревень. — Знавали мы такого. Лианом звали. Жил он в избушке на самом отшибе у дубравы. Да только год назад нагрянули к нему ловчие Валерия.

Элара мгновенно замерла, сжав кулаки:

— По какой причине его забрали?

— Доносчик шепнул в замке, будто Лиан укрывал на дороге беглую королевскую кровь и делился хлебом, — старуха пугливо опустила глаза. — Прискакали наёмники, избу его сожгли дотла, а самого Лиана заковали в железо и увезли.

Внутри у Элары всё заледенело. Тот самый холод из подземного анабиоза вновь сковал грудную клетку.

— Где он находится сейчас?

— В Чёрном Замке… В самых глубоких казематах, — женщина осенила себя защитным знаком. — Если только стражники не уморили его до смерти.

Элара вернулась в лагерь в глубоком безмолвии. Опустилась у затухающего костра, неподвижно уставившись на тлеющие угли.

Аэлина бесшумно подошла и опустилась подле неё на траву. Не произносила лишних слов. Просто находилась рядом, отдавая своё живое тепло.

— Он брошен в казематы цитадели… — глухо выдавила Элара. — Из-за меня. Из-за того, что какой-то иуда донёс о том куске хлеба.

— Мы вырвем его из темницы, — отчеканила Аэлина. Голос её прозвучал твёрдо, без тени сомнений.

— Это очевидная ловушка. Валерий только и ждёт, когда я дёрнусь к нему.

— И что из того? — Аэлина заглянула ей прямо в глаза — строго и открыто. — Разве ты способна бросить его умирать в цепях?

Элара медленно подняла голову. Встретилась с ней взглядом. И на её устах расцвела слабая, но невероятно твёрдая улыбка:

— Нет. Я не оставлю его там.

Валерий не спал семь ночей подряд.

С того самого мгновения, как гранитная толща под замком с сокрушительным гулом треснула. С того часа, как из бездонной щели вырвался этот леденящий, серебристый свет. С той секунды, как заветный портрет Элары сорвался со стены и раскололся об огненный мрамор плит. Узурпатор потерял сон. Он безвылазно сидел в верхней палате своей башни, глушил тревогу выдержанным вином, застывал у узкого окна и выжидал.

Он и сам не мог ответить себе: чего именно он ждал? Её возвращения? Или скорой, неотвратимой погибели? А скорее всего — и того, и другого одновременно.

Загустевшее вино в массивном серебряном кубке давно выдохлось, но Валерий этого не замечал. Взор его прикипел к городской площади. Внизу, на серых каменных плитах брусчатки, всё так же разинула пасть глубокая тектоническая трещина. Её так и не заделали — ремесленники боялись подходить к рваным краям. Простые горожане обходили провал по широкой дуге. Кто-то украдкой крестился, кто-то боязливо шептал молитвы, а кто-то просто долго стоял неподалёку, точно ждал, что из этой тьмы прямо сейчас кто-то выйдет.

Валерий прекрасно знал, кто шагнёт из этой тьмы. Знал уже целых десять лет, но все эти годы жестоко запрещал себе даже мысли об этом.

Он со стоном отвернулся от окна и тяжёлым шаркающим шагом подошёл к рабочему столу. На резной столешнице покоилась ровная стопка свежих донесений от лазутчиков. Узурпатор даже не разворачивал пергаменты. Он и без чтения догадывался о содержимом. Все они сводились к нескольким выжигающим разум строкам: «Она приближается», «За её спиной шагают тысячи», «Она произносит вслух имена убитых», «Она ищет какого-то пастуха».

Пастуха.

Валерий издал сухой, кривой смешок, в котором не прозвучало ни капли веселья. Какой-то нищий пастух… Из-за оборванного скотовода она приостановила марш на столицу! Из-за чёрствого ломтя хлеба! Его прагматичный разум отказывался это понимать. Власть — это не хлеб и не сентиментальность. Власть — это нерушимая сила, это дикий страх и способность заставить подданных верить в ту ложь, которая выгодна короне. Он прожил с этим знанием десять лет. А она… она ищет пастуха.

Он взял со стола тяжёлый серебряный колокольчик и встряхнул его. Дважды.

В дверях немедленно возник замковый слуга, низко склоняя голову.

— Доставить его сюда, — процедил Валерий. — Пастуха. Из нижних казематов.

Лиана привели спустя час.

За год в подземных застенках он страшно исхудал и побледнел. На нём была изорванная, измазанная в сырой глине рубаха, а запястья и лодыжки сковывали тяжёлые железные цепи, гремящие при каждом шаге. На его обветренном лице явственно проступали синяки от допросов. Но глаза… Глаза пастуха оставались удивительно ясными, глубокими, спокойными. Он не опускал взора к плитам, не дрожал перед узурпатором. Он стоял прямо, открыто разглядывая правителя. Без тени страха. Без бессильной ненависти.

Валерий сидел во главе стола, не делая попытки подняться. Не предложил узнику сесть. Он долго, тяжело гипнотизировал его взглядом, после чего выдохнул:

— Ты осознаёшь, кто перед тобой?

— Осознаю, — проговорил Лиан. Голос его прозвучал хрипло от долгого молчания в сырости, но твёрдо.

— И ты ведаешь, за какую вину брошен в цепи?

— Ведаю.

— Назови её.

— Я делился хлебом с голодной девушкой на тракте.

Валерий выдержал паузу, после чего медленно откинулся на резную спинку кресла. На его губах вновь заиграла горькая ухмылка:

— И в твоём сердце нет ни капли раскаяния?

— Ни капли.

— Отчего же?

— Она умирала от голода, а у меня во фляге была вода и ломоть за пазухой. Всё предельно просто.

Валерий подался вперёд, опираясь локтями о стол и впиваясь в него глазами:

— А ты в курсе, что она ищет тебя по всем волостям?

Лиан даже не вздрогнул. На его бледном лице не отразилось ни изумления, ни торжества. Он лишь коротко, спокойно наклонил голову:

— В курсе.

— От кого выведал?

— Стражники у камер шептались. — Пастух на секунду замолк. — Раз ищет… значит, выжила.

— Выжила, — сквозь зубы подтвердил Валерий. — И шагает к этим стенам. Со всей своей проклятой армией. С твоими дохлыми друзьями и со своей правдой. — Он почти вплотную приблизился к узнику. — И всё это безумие началось из-за тебя! Из-за одного чёрствого куска!

Лиан выдержал его давящий взгляд, не шелохнувшись. А затем тихо, без грамма пафоса или ярости произнёс:

— Нет. Не из-за меня. Из-за тебя.

Валерий замер.

— Что ты смел выдать?

— Ты убил её отца и братьев. Ты вышвырнул обессиленную девушку в грязь. Ты попытался лишить её имени и памяти, — Лиан чеканил слова ровно, точно наносил удары. — А я лишь подал ей хлеб. Единственный ломоть. И она запечатлела это в душе. Не оттого, что я совершил подвиг. А потому, что ты не дал ей ничего… Кроме боли и предательства.

Валерий сорвался с места. Резко. Тяжёлое кресло с грохотом отлетело назад, ударившись о каменную стену. Он в два шага сократил расстояние, вставая вплотную к пастуху. Смотрел в его глаза, тщетно пытаясь отыскать там хоть тень лихорадочного страха перед смертью. Но ничего не нашёл.

— Ты хотя бы понимаешь, что я могу приказать палачу прикончить тебя прямо здесь? В эту самую секунду! И никто на свете не узнает, где твои кости.

— Понимаю, — спокойно отозвался пастух.

— И ты не испытываешь ужаса?

— Испытываю, — Лиан слегка пожал плечами, звеня цепями. — Но я боюсь не тебя. Я боюсь, что она прольёт кровь, прорвётся сюда и увидит мой труп… Что я не сумел дождаться её. — Он заглянул в глаза узурпатора. — А тебя я не боюсь. Ты уже проиграл.

Валерий отшатнулся от него, словно получив ощутимый физический удар в грудь. Замер, тяжело дыша. А затем судорожно развернулся и стремительно отошёл к окну, уставившись на мертвенный свет из тектонической трещины.

— Уберите его… — сорванным, неродным голосом бросил он стражникам. — Верните в камеру. Но не сметь трогать пальцем. Пока.

Двери с тяжёлым стуком затворились, лязгнул засов. Валерий остался в покоях один. Подбежал к столу, схватил графин и прямо из горла сделал несколько жадных, заглатывающих глотков, заливая вином грудь.

Он не боялся смерти на поле боя. Он до смерти боялся той самой истины, которую этот оборванный пастух бросил ему прямо в лицо. «Ты уже проиграл».

— Не проиграл! — выдохнул он в пустоту. — У меня за плечами армия! Непреступные стены! Власть! Десять лет я держал эту землю в покое! Я дал им…

Его взгляд упал на разбитый портрет. Элара продолжала смотреть на него сквозь сетку трещин на стекле — молча, с той самой едва уловимой, прощальной улыбкой.

Валерий подкрался к холсту. Бережно поднял его трепещущими пальцами, вглядываясь в черты. А затем осторожно поставил обратно на каменный выступ. Точно боялся окончательно разрушить остатки своего мира.

— Ты не прорвёшься сюда, — прошептал он с сухой яростью. — Ты не дойдёшь. Я не позволю тебе переступить порог.

Но в глубине своей отравленной души он чётко сознавал: она придёт. Знал это все десять лет. Просто безуспешно пытался обмануть самого себя.

Его звали Дэйн.

Он не родился подлецом, не был отпетым злодеем и никогда не искал лёгкой наживы на чужом горе. Дэйн был простым, мягким человеком, чью душу растоптал жестокий выбор. Он стал доносчиком и предателем только потому, что оказался должником у собственной беспощадной судьбы.

Дэйн вырос в той же самой деревне Терн — сиротливом поселении каменотёсов и лесорубов у подножия хребта, где Элара позже отыщет первые три безымянных холмика под соснами. Дэйн и Лиан знали друг друга с самых ранних лет. Они вместе гоняли отар овец по сухим выжженным склонам, вместе прятались от грозы под прогнившим навесом старого сеновала и вместе воровали наливные яблоки из сада деда Гарма. Старик всегда делал вид, будто ничего не замечает, и лишь добродушно ворчал вслед убегающим мальчишкам. Они делились глупыми детскими шутками и мечтами о дальних землях — теми самыми простыми радостями, о которых теперь в Терне не помнил уже никто.

Лиан был старше его всего на два года, но всегда держался рядом как старший брат и нерушимый щит. Когда деревенские забияки с нижнего перекрёстка пытались отобрать у слабого Дэйна единственную суконную куртку — Лиан бесстрашно вставал между ними с тяжёлой палкой в руках, принимая удары на себя. Когда тяжко умирал отец Дэйна — Лиан каждый день доставлял в их избу свежую воду из криницы и рубил дрова. А когда хоронили его мать — Лиан застыл у свежей могилы по правую руку от друга. Он не произносил красивых, пустых утешений. Он просто стоял рядом в промозглом осеннем тумане, отдавая своё молчаливое тепло.

Дэйн до мельчайших подробностей помнил тот страшный день десять лет назад, когда Лиан протянул ломоть хлеба умирающей девушке на тракте. Дэйн находился там же. Шёл подле него, едва волоча от усталости ноги.

Он своими глазами видел, как Лиан неожиданно замер на заросшей колеям дороге. Как выудил из-за пазухи заскорузлый, окаменевший ломоть ржаного хлеба — всё их скудное пропитание на ближайшие два дня пути. Как опустился на колени перед окровавленной, задыхающейся от лихорадки незнакомкой и бережно вложил еду в её слабеющую ладонь.

Дэйн тогда испуганно шепнул ему: «Зачем ты это делаешь, Лиан? У нас у самих больше ничего не осталось!» На что Лиан лишь тихо, спокойным и ровным голосом ответил: «У неё тоже ничего нет, Дэйн. Но она намного слабее нас с тобой». И пошёл дальше по пыльному тракту, даже не обернувшись.

Дэйн тогда не постиг глубины этого поступка. Понимание пришло к нему спустя десять лет. Слишком поздно. Выжженное ценой чужой жизни.

А весной в их края пришли слуги узурпатора.

Дэйн возвращался на рассвете из уездного городка. На последние сбережения он выменял у заезжего лекаря склянку с целебным снадобьем для матери — старуха второй месяц изнурительно кашляла сухой кровью, и лекарь прямо сказал, что без лекарств она не переживёт предстоящую распутицу. Дэйн торопился, не чуя под собой ног, и слишком поздно заметил отряд верховых, вынырнувший из лесной чащи.

Слуги Валерия окружили его молча, плотным кольцом, сжав поводья. Один из них — старший со шрамом на подбородке и гербовой нашивкой на сукне — хрипло выплюнул: «Ты Дэйн? Соседом Лиану-пастуху приходишься?» Дэйн испуганно кивнул. И в ту же секунду ему на голову накинули плотную холщовую мешковину.

В казематах Чёрного Замка его удерживали четыре бесконечных дня. Его не избивали плетьми, не ломали пальцы в тисках и не жгли калёным железом. Его ломали иначе. Дэйна дер-

жали в абсолютной, звенящей тишине подземной одиночки. Ему регулярно приносили чистую воду, сухой хлеб и даже выдали на ночь тонкое шерстяное одеяло. Но Дэйн не мог проглотить ни крошки. Он сутки напролёт лежал на соломе, считая трещины на гранитных плитах потолка, и сходил с ума от мыслей о матери, которая угасает в избе без снадобья.

На пятые сутки в камеру бесшумно вошёл человек в строгом чёрном кафтане. Опустился на дубовый табурет напротив узника, неторопливо расправил кружевные манжеты и ласково улыбнулся. У него были ослепительно белые, безупречно ровные зубы. Дэйн от дикого страха почему-то запечатлел в памяти именно эти идеальные, холодные зубы.

— Нам прекрасно известно про твою мать, Дэйн, — проговорил чиновник приятным, обволакивающим бархатным голосом. — Старая, болящая женщина. Лежит сейчас одна в Терне и задыхается без воды. Мы можем проявить великодушие и отправить к ней нашего замкового лекаря с лучшими снадобьями. А можем… совсем наоборот. Сровнять вашу избу с землёй, а её вышвырнуть в овраг. Ты ведь разумный человек, Дэйн. Ты всё понимаешь.

Дэйн всё понимал. Внутри него в тот миг рухнул последний оплот человеческого достоинства.

— Чего… чего вы требуете от меня? — с трудом прохрипел он, глотая лихорадочную слюну.

— Нам нужны любые подробности о твоём друге Лиане. С кем шептался за эти годы? Кому подавал помощь? Какую тайну укрывает в своём сердце?

Дэйн долго всматривался в каменный пол. Лицо его матери, кашляющей кровью, стояло перед глазами. А затем из его сжатых губ вырвался прерывистый шёпот:

— Он… он накормил хлебом беглую девушку на тракте. Десять лет назад. Она была вся в крови и едва дышала. Лиан не ведал, кто она такая. Просто отдал свой единственный ломоть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.